

Донецкий национальный технический университет

Левченко Геннадий Григорьевич

Воспоминания Истории из жизни ДПИ

**Донецк
2021**

*Истории из жизни ДПИ
и дел достоинства великих или малых
познаешь с пользой для себя, читая эти мемуары.
Левченко Г.Г.*

Предисловие

Воспоминания о событиях и людях, к которым был причастен на протяжении более пятидесяти лет работы в Донецком национальном техническом университете, и его 100 летний юбилей, побудили меня к написанию мемуаров, в которых я представляюсь в какой-то части историком, но в главном непосредственным участником. Это определяет мемуары как автобиографические очерки, где воспоминания о довузовском, вузовском и послевузовском периодах связаны одной сюжетной линией.

В греко-римской исторической литературе еще с IV века до н.э. существуют разные подвиды этого жанра: биография-характеристика, биография-восхваление, справочная биография и т.д. Мое «жизнеописание» не подходит полностью ни под один из устоявшихся типов: это биография, переходящая в вузовско-историческое повествование, где основную роль играет естественно ДПИ.

ЧАСТЬ I

Анналы довузовского прошлого

Путь к педагогической деятельности, а тем более в техническом ВУЗе, изначально не был предопределен какими-либо особыми обстоятельствами. Хотя упоминания в детстве об учительстве отца, которого я не знал при жизни (он умер за месяц до моего рождения в 1938 г.) вызывали иногда что-то вроде интереса к данной профессии, но не более того.

Детство и ранняя юность в небольшом шахтерском городке (Моспино) прошли в трудные, военно-оккупационные и послевоенные годы. Бедность, жизнь впроголодь, безотцовщина и постоянное скитание семьи по углам не могли способствовать проявлению интереса, или способностей к чему-либо.

В тех условиях даже не встретился человек, который мог бы стать примером для подражания. Пробуждение интереса к учительству вызвал случай, имевший место уже во время учебы в школе.

Особой вехой в детстве стал 1945 год – год окончания Великой Отечественной войны, возвращение старшего брата с фронта и «поход» в первый класс. Так началась школьная жизнь, полная детских забот, ощущений и переживаний. С позиций сегодняшнего дня трудно себе представить обучение в начальных классах того времени. За ветхими партами сидели ученики разного возраста, причем с одной стороны комнаты первоклашки, а с другой – учащиеся четвертого класса. Уроки вела одна учительница. Нехватка бумаги, книг, других школьных принадлежностей сводило занятия в основном к устным формам.

Из содержания обучения в начальных классах мне больше всего нравилось чтение стихов. Заданные на дом стихотворения я с воодушевлением декламировал перед домашними (мама и два старших брата), взобравшись на табурет.

К другим предметам я относился без особого энтузиазма. Тем не менее, четвёртый класс окончил с похвальной грамотой.

В пятом классе произошёл тот упомянутый ранее случай, когда далекая и призрачная мысль стать учителем дала о себе знать и укрепилась в моём сознании. А было это так: учитель физики часто приходил на уроки изрядно выпившим. В этих случаях, сев за стол и, не глядя в журнал вызывал первым меня, произнося "ну Грицько (непонятно почему Грицько) иди до доски". Он был щирым украинцем и до войны работал с моим отцом в школе, которого звали Григорий Иванович (среди украинцев Грыць Иванович). По-видимому, каким-то образом оттуда это и пошло. И пока я шёл к доске он, уткнувшись лицом в стол засыпал, не успев дать задание. Класс всякими знаками призывал к молчанию. И мне приходилось все 45 минут стоять у доски в застывшей позе. А когда звенел звонок, он просыпался и, оценив обстановку, заканчивал урок словами "Сидай, Грыцько, три»

Полон горечи и обиды, идя на место, я твердил про себя, если стану учителем, таким никогда не буду.

Другие учителя по-своему оказывали влияние на меня и мою учёбу. Так учитель математики, хотя и хорошо знал предмет, больше преподавал, по типу чтения лекций в университете, а не обучал. Проверка усвоенного

проводилась не на занятиях, а в конце четверти или учебного года на экзамене. Поэтому мои знания ограничивались запоминанием терминов и общих понятий. Оригиналom был учитель химии. Заходя в класс и буркнув, что то вроде приветствия, он распахивал своё огромное старое пальто, широкие полы которого были увешены самым разным химинвентарем (колбочки, пробирки, порошки, кисточки, крышечки, крючочки и пр. вещи). На занятиях он настолько увлекался своими опытами, что порою не замечал нашего присутствия. Но особенно выделялась своим "педагогическим мастерством" учительница немецкого языка. Она наводила на нас страх своими угрозами, которые имели место в двух педагогических приемах, а именно: в задании на дом и строгом опросе. И впадала в истерику, если кто-то из нас ловила на шпаргалке. Уроки же по истории, географии, русскому и украинскому языкам и литературе проходили с интересом. Занятия вели учителя «старой школы». Мы окрестили их «классиками», потому что некоторые из них преподавали ещё в 20-х,30-х годах. Глубина знаний, добродушное отношение к нам, даже тонкая ирония без тени унижения, вызывали к ним уважение и интерес к занятиям. Так определилось моё предпочтение не к фундаментальным, естественнонаучным, а к гуманитарным дисциплинам. В общем, я окончил среднюю школу, не обладая глубокими, но более или менее достаточными знаниями для вступления послешкольную жизнь.

О существовании ДПИ я узнал где-то в 1950 году. Когда мой брат (студент Ворошиловградского с/х института) приехал на каникулы, к нам в гости пришёл его школьный товарищ. Он был одет в превосходный темно-синий костюм, похожий на парадную форму, с блестящими отличительными знаками индустриального института города Сталино. Это «мимолетное видение» навсегда запечатлелось в моей памяти.

После окончания школы стал вопрос - как устраиваться в жизни? До этого никто в семье, да и я сам, не задумывались о выборе дальнейшего пути. Брат Петр, окончив институт в 1954 году, был направлен по распределению в Тюменскую область на освоение целинных земель. С ним уехала и мама. Для завершения учёбы в школе я на год остался в семье брата Анатолия. А после неудачи при поступлении (следуя примеру брата) в с/х институт, мне пришлось отправиться к родным в Тюмень, так как оставаться в Моспино было уже невозможно.

С большим трудом добрался до самого северного района Тюменской области, где брат работал главным агрономом машинной тракторной

станции, которая обслуживала колхозы, далеко разбросанные друг от друга. Радость встречи была безмерной. Однако через некоторое время она сменилась тягостным чувством - когда полный энергии и сил молодой человек невольно становится иждивенцем, не приносящим ни какой пользы себе и родным, поскольку работу в маленькой деревне найти было невозможно. Положение усугублялось тем, что селение располагалась далеко от районного центра. Наступившая зима с 45-градусными морозами еще более усилила и без того гнетущее состояние. Обсудив ситуацию с братом и мамой, пришли к решению, что я должен продолжить обучение, поступив Тюменский государственный педагогический институт. Определившись в выборе, я взялся за учебники. Так прошло 3 месяца и вот где-то в начале января 1956 года, брат, приехав из района, принёс неожиданную весть.

В этот день он принимал участие в заседании райисполкома, после чего в разговоре со своим знакомым (зав. районо) выразил озабоченность относительно моего положения. Тот, несколько подумав, предложил для меня место учителя в одной из семилетних школ.

В малонаселенных деревнях и лесопоселках школы страдали от нехватки и текучести кадров, что приводило к срывам учебного процесса, причём в любое время учебного года. Подобное произошло именно к этому моменту. Преодолев страх и сомнения, подбадриваемый семьей, я согласился на предложение и на следующий день мы с братом отправились в район. В кабинете заведующего сидела директор школы, приехавшая из далёкой деревни. По их поведению я понял, что речь обо мне уже шла.

Помимо аттестата я взял с собой все свои школьные заслуги: грамоты за общественную деятельность, комсомольский билет, награды за спортивные достижения (оказались кстати). Состоялась недолгая беседа. При упоминании Донбасса, откуда я прибыл, зав. районо, как бы невзначай, одобрительно отозвался о промышленно развитом крае и его системе образования. Тут я окончательно убедился, что вопрос о принятии меня на работу решен. Правда, в конце беседы, я несколько заволновался, когда зав. районо сказал, что основным предметом будет немецкий язык. Усилием воли я справился с волнением, убедив себя в том, что программу 5- 7-х классов освою. В дальнейшем оно так и вышло.

Получив необходимые учебники и программы, мы с директором школы, облачившись в овчинные полушубки и валенки, в санях, запряженных сибирской лошадкой, отправились в далекий путь.

Прибыв к месту, меня определили "на стол" к двум старичкам, живущим недалеко от школы. А уже утром я был представлен учительскому коллективу и ученикам. С этого момента наступило осознание того, что не повремени взросление, и связанные с ним заботы и опеки ушли в прошлое.

Жизнь в деревне, окруженной со всех сторон лесами, протекала однообразно и монотонно. Причиной этого был крайне низкий уровень социума сибирского края. Потускневшие от времени деревянные избы, в том числе и здание школы, отсутствие электричества, бездействие очагов культуры. Вместо магазина привозная лавка, доставлявшая необходимые продукты и

Ученики и учителя в сельской школе

товары. Даже более чем достаточную зарплату, кроме платы хозяину за еду и жильё, не было нужды потратить. В этой реальности мудрому наставлению древнеримского сенатора Катона Старшего «покупай, то что необходимо, а не то, что нужно», не нашло место в формирующемся сознании. Поэтому и к деньгам у меня сложилось своё мнение. Их количество на протяжении всей последующей педагогической жизни всегда было достаточно. В дальнейшем меня, как молодого и не женатого, переводили из одной школы в другую в посёлки лесорубов, сменявших часто места оседлости по окончании лесовырубок.

Получив случайно, вопреки законам и нормам место учителя я осознавал шаткость и временность своего положения. Образование стало жизненной необходимостью.

Провожали в институт на сдачу экзаменов всей школой, и не поступить я просто не имел права. Мысль о провале приводила в ужас перед предстоящей встречей с поверившей в меня школьной семьёй. Поступление и установочная сессия были напряжёнными на фоне знаний языка других поступающих. Это были потомки немцев, переселенных в своё время в Сибирь. А их было почти половина группы. Общение с ними на протяжении пяти лет учёбы мне во многом помогало, но решающим была работа над собой, самостоятельное освоение, осмысление и проникновение в язык. Поэтому завершение ВУЗа было вполне успешным. А выпускная работа на тему "Особенности немецкой прессы, издаваемой в Германии и России" получила довольно высокую оценку.

За все время пребывания в Сибири, меня не покидала тоска по родным краям. Втайне ожидал случая возвращения на родину. И это произошло в августе 1958года, когда я уже был студентом третьего курса. Приехав в отпуск, я неожиданно встретил своего бывшего учителя и классного руководителя. Он работал директором вечерней школы, в которой целый год отсутствовал учитель немецкого языка. Узнав мою историю, он с зачеткой и паспортом отправился в районо для выяснения возможности, при такой ситуации, занятия мной вакантной должности учителя немецкого языка. В районо дали разрешение на временное трудоустройство при наличии трудовой книжки, которую брат вскоре прислал по почте. Появилась реальная возможность не возвращаться в те дальние края. Этому способствовали ещё сложившиеся обстоятельства. Брат Анатолий с семьёй, оставив квартиру, уехал из Моспино на новую работу. А после ликвидации МТС брат Петр с мамой возвратился из Сибири домой.

В школе отнеслись ко мне доброжелательно. И через некоторое время я прочно занял в коллективе равноправное место. Материальное положение позволило мне благополучно окончить ВУЗ, а после получения диплома, мне предложили работу ещё в двух школах. Так сбылась мечта раннего детства. Высшее образование, профессия, востребованная специальность и гарантированное место работы. Казалось, что судьба завершила мой трудный и извилистый путь. Но не тут-то было, она ещё не исчерпала своих сюрпризов. Оглядываясь в прошлое, я заметил, что все крутые повороты в моей жизни, происходили по воле случая, данным в руки судьбы богом

изобретателем ("и опыт сын ошибок трудных, и гений парадоксов друг, и случай бог изобретатель" А.С. Пушкин). Сотканный из неожиданностей, случай вскоре проявил себя. 50-60-е годы были отмечены широкой просветительской работой в стране. В городах и селах, поселках и деревнях на предприятиях, в школах и других заведениях выступали известные писатели, поэты, учёные, художники, музыканты, государственные и общественные деятели. В мае 1962 года в числе мероприятий, проводимых в школе, была организована встреча с известным донецким поэтом членом союза писателей СССР Борисом Леонидовичем Радевичем. Его работа преподавателем на кафедре иностранных языков в политехническом институте ещё более возвысила в моём воображении ореол ДПИ, возникший ещё в детстве.

Перед встречей директор школы попросил меня принять участие в беседе с ним для создания атмосферы заинтересованности коллектива школы в поэзии и творчестве поэта, тем более что у нас с ним оказались родственные профессии. В ходе беседы я поинтересовался отношением Б.Л. Радевича к английской поэзии, в частности сочиняет ли он стихи на английском языке, делает ли переводы. Коснувшись перевода, возник вопрос о его дословности в поэзии. В тему этого я вдохновенно прочитал стихотворение И.В. Гете "Песнь ночного путника" и его вариант М.Ю. Лермонтова в поэтической форме. Вопрос остался дискуссионным. В конце встречи Радевич поблагодарил всех за внимание к его творчеству, призвал десятиклассников к поступлению в ДПИ и, обратившись ко мне сказал: "Молодой человек, Ваше место в ДПИ, я в этом уверен». Его слова вскоре оказались пророческими.

Прошло лето, начался очередной учебный год. Ничто не предвещало каких-либо серьёзных жизненных перемен. И вот в один из воскресных дней начала октября возле дома остановилась и просигналила машина. Из неё вышел прилично одетый мужчина лет 40. Представившись заведующим кафедрой иностранных языков ДПИ, и сославшись на хорошие отзывы Б.Л. Радевича в мой адрес, он предложил мне работу преподавателя немецкого языка.

Шестидесятые годы и особенно их начало были временем большого подъёма промышленности в Донбассе, да и, пожалуй, во всей стране. Расширились и возникали новые предприятия горной, металлургической и химической промышленности поднималась энергетика, бурно шло гражданское и промышленное строительство. Росла реальная потребность в высококвалифицированных кадрах. На технический ВУЗ была возложена очень ответственная задача по их подготовке. Институт быстро расширился

по всем направлениям. В 1961 году он по праву был переименован из индустриального в политехнический. На все кафедры усилился приток молодых преподавателей. Кафедра иностранных языков была в равной степени вовлечена в этот процесс. Осознание такого широкого движения пришло ко мне гораздо позже. А в этот момент тщеславие и **огромное желание попасть в ВУЗ стали решающими в принятии предложения на работу в институт.** Но и здесь меня преследовали серьёзные трудности. Во-первых, надо было убедить уже пожилую маму отпустить меня в город, лишив её привычного образа жизни, а во-вторых, я встретил упорное сопротивление директоров школ. Первую трудность я преодолел путём обстоятельных семейных переговоров, вторую пришлось решать в рамках закона, да ещё с учётом возможного перевода с работы на работу, без потери непрерывности трудового стажа.

Через пару дней после разговора с М.Я. Чистиком, он приехал вновь, но теперь за мной. И мы поехали в Донецк на приём к ректору Михаилу Антоновичу Богомолу. Ректор принял нас сдержанно, но с вниманием. В разговоре я открыл в нем очень ценную черту характера – внимание к кадрам и упорное их отстаивание. Это нашло подтверждение ещё и в том, что накануне ему пришлось выдержать борьбу с триумvirатом директоров школ, приехавших отвоевать меня обратно. Выслушав нас, Михаил Антонович поручил М.Я. Чистику обеспечить мне место на кафедре, а меня направил в отдел кадров, чтобы составить аргументированно заявление в школу с указанием на закон о 12-ти днях обязательной отработки на прежнем месте. Не вступая ни в какие дискуссии, я отработал положенное время и 26 октября 1962 года был переводом зачислен на кафедру иностранных языков ДПИ. Так завершилась моя Одиссея в Донецкий политехнический институт.

ЧАСТЬ 2

История иностранных языков в ВУЗе (кафедра и люди)

К моменту моего прихода на кафедру на ней работала часть преподавателей, которые начинали свою педагогическую деятельность с теми, кто был ещё не так далёк от времени её создания. Такие педагоги как Б. Л. Радевич, Р.И. Рабинович, Б.Г. Кербс, К.Т. Рева успели даже поработать с основательницей кафедры Евгенией Николаевной Моннэ, ушедшей на пенсию в 1951 году.

*Евгения Николаевна Моннэ
1941 г.*

Е.Н. Моннэ консультирует студентов

Недостаточность сведений об этом периоде компенсирует биография Е.Н. Моннэ, которая даёт хотя и краткое, но в общем достаточное в рамках истории ВУЗа представления о личности Е.Н. Моннэ, её профессиональной деятельности и о работе кафедры в целом. Она отражена в ходатайстве института перед Наркомом угольной промышленности о награждении Евгении Николаевны знаком «Отличник социалистического соревнования «Наркомугля»» в 1941 году. Документ далее прилагается.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА УГОЛЬНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

тов. Нестеренко. -

г. р. М о с к в а.

22-го апреля с.г. исполняется двадцатипятилетие общественно-педагогической деятельности старшего преподавателя французского и немецкого языков тов. МОННЕ Евгений Николаевич.

Евгений Николаевич МОННЕ родился в 1894 году в местечке Маланчак быв. Таврической губ. в семье служащего.

Тов. МОННЕ Е.Н. закончила Харьковскую женскую гимназию с серебряной медалью.

В 1911 году поступила в Лозанский Университет на литературное отделение, который закончила в 1915 году по специальности французского и немецкого языков.

После окончания Лозанского Университета тов. МОННЕ Е.Н. сдала экзамен при Харьковском учебном округе на право преподавания иностранных языков в русских учебных заведениях.

С 1916 года начала свою педагогическую деятельность в качестве преподавательницы французского и немецкого языков.

В 1922 году тов. МОННЕ Е.Н. поступила на работу в первое, тогда техническое учебное заведение в Донбассе - Донецкий Горный техникум, преобразованный в Донецкий Горный Институт, а затем в Донецкий Индустриальный институт, где и работает по настоящее время в качестве старшего преподавателя французского и немецкого языков.

Нелегко было в первые годы существования донецкого горного техникума работы. Отсутствие учебников заставляло тов. МОННЕ много работать, чтобы подготовить соответствующий материал для слушателей, которые впервые изучали иностранный язык.

Тов. МОННЕ Е.Н. всегда была требовательна не только к студентам, но и к себе. Исключительно добросовестно и честно относилась к порученному ей делу.

С любовью преподносит материал своим слушателям. За свою работу тов. МОННЕ неоднократно была премирована, как прекрасный педагог.

Дирекция и общественность института отмечая 25-летие педагогической деятельности тов. МОННЕ просит Вашего ходатайства перед Народным угольной промышленности о награждении тов. МОННЕ знаком "Отличник социалистического соревнования Народного угля", а также ассигновать 1000 руб. для проведения юбилейного вечера.

Характеристика на тов. МОННЕ при этом прилагается.

Приложение: Упомянутое.

Директор ДИИ

/Пронченко Г.В./

Секретарь бюро
парторганизации ДИИ

/Баванова-Жид С.И./

Не будет далек от истины тот факт, что в 20-х, 30-х и 40-х годах, во времена серьезных перемен и испытаний, в процессе перехода технического заведения из одного статуса в другой (Донецкий горный техникум, Донецкий горный Институт, Донецкий индустриальный институт) все языковое, учебно-методическое обеспечение разное и по уровню, и по содержанию

ложились на плечи Е.Н. Моннэ. К началу 50-х годов Е.Н. Моннэ создала не большой, но уже опытный преподавательский коллектив.

*В первом ряду: Рабинович, Дулина, Моннэ, Цимбал
Во втором ряду: Мясоед, Букреева, Радевич, Ханлан*

Пятидесятые годы прошли под знаком расширения и обновления кафедры и уже в бытность зав. кафедрой Осиповой Л.А. (с 1951г.). В неё пришли преподаватели: Шеленчик С.Л., Сивокозова А.Ф., Федорова В.Д., Неугодова Л.И., Чистик М.Я., Логвиненко Л.М., Авраменко С.Е., Ковалёва Л.Г., Барщевская Г.Е., Талалаева Н.Т., Галичина М.И. – в основном выпускники ВУЗов Москвы и Харькова. Они относительно быстро адаптировались к учебному процессу. Этому способствовала универсальная система обучения имевшая место на всех этапах образования: начального, среднего и высшего. Её главное содержание представляют три направления обучения языку: заучивание иностранных слов и выражений, изучение грамматики и на их основе научение чтению и переводу. Эти объекты конституированы во всех учебных программах как основные с кредитованием для них учебного времени. В то же время умениям и навыкам устного речевого общения отводилась второстепенная роль. Многие и до сих пор убеждены в том, что умение говорить и слушать формируются произвольно в процессе реализации упомянутой ранее системы. Иные придерживаются другой точки зрения. Они утверждают, что без наличия иноязычной речевой среды

достичь этих умений и навыков невозможно. По мнению третьих все трудности возникают из-за внутренней потребности общаться на родном языке. В дальнейшем потребовались научно-экспериментальные исследования, чтобы оспорить эти утверждения.

В те времена этот недостаток пытались в какой-то мере ликвидировать за счёт увеличения количества часов, отводимых на изучение иностранных языков. Тогда студенты изучали иностранный язык с первого по четвёртый курс, а студенты первого курса химического и металлургического факультетов изучали иностранный язык шесть часов в неделю. Экзамены проводились на втором и четвёртом курсе. К тому же иностранный язык входил в число вступительных экзаменов на все формы обучения.

За пределами вуза кафедра оказывала помощь промышленным предприятиям и научно-исследовательским институтам консультациями и переводами. НИИ приглашали преподавателей для ведения занятий и приёма вступительных экзаменов в аспирантуру.

Такое сотрудничество продолжалось долгие годы. Поскольку система образования того времени была пронизана социалистической идеологией, а

ведущим принципом педагогики был принцип партийности, то почти все молодые преподаватели сочетали свою работу на кафедре с учебой на вечернем факультете Марксизма-Ленинизма, что зачитывались как повышение квалификации. Завершились пятидесятые годы уходом Л.А. Осиповой на пенсию.

С июня 1961 года во главе кафедры стал М.Я. Чистик – преподаватель английского языка.

Он принадлежал к старшему поколению педагогов, участвовал в ВОВ, и закончил в 1951 году Днепропетровский университет. В истории кафедры иностранных языков его по праву можно считать завершителем формирования триязычия кафедры. Человек не

конфликтный, в меру требовательный, он довольно спокойно руководил кафедрой иностранных языков, а затем кафедрой английского языка на протяжении многих лет. Накопленный опыт преподавания и собранный англоязычный материал позволили ему написать и опубликовать учебник английского языка для технических ВУЗов. Это стало основанием для присвоения ему учёного звания доцента.

В начале шестидесятых годов кафедра приняла новую волну преподавателей. Коллектив кафедры пополнился преподавателями немецкого, французского, английского языков: Петраков Е.С., Лукьянова

В.А., Мазурина Н.А., Шамало В.Е., Зотова И.В., Кравченко М.В., Борченко Е.Д., Кислякова Л.И., Левченко Г.Г., Калита В.И., Гнатенко В.С., Смыковский П.В., Бондарева Н.О., Каверина О.Г., Поверенный А.И., Климонов В.А.

Чем же характеризовалась эта эпоха кафедры. Следует отметить, что к данному моменту кафедра достигла пика наполнения её кадрами. Требования создания фундаментальной, лингвистической базы на разных языках, повышения языковой подготовки преподавателей, повлекли за собой деление внутри кафедры на секции. Были организованы постоянно действующие языковые семинары по английскому, немецкому и французскому языкам. Методические семинары проводились пока ещё совместно. Появилась возможность обмена опытом в практике обучения за пределами ВУЗа. Многие преподаватели с этой целью посещали известные технические ВУЗЫ Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Львова.

Кафедра не замыкалась только на своей внутренней жизни. Начавшийся подъём культурно-массового движения в Вузе вовлек членов кафедры в это движение. Студенты и преподаватели принимали активное участие во всех формах культурно-массовых мероприятий. Популярными стали вечера художественной самодеятельности на иностранных языках. Впервые был организован большой студенческий хор под руководством преподавателя Н.Т. Талалаевой, который исполнял как лирические, так и политические песни на немецком языке. Повышенный интерес вызывала молодёжная эстрада, где иностранный язык звучал как на выступлениях, так и на репетициях.

Вузовская пресса того времени писала о частом звучании классической музыки в среде студентов и преподавателей. Особо выделялась музыкальная гостиная под руководством старшего преподавателя немецкого языка К.Т. Ревы.

Под руководством преподавателя английского языка В.Д.Фёдоровой устраивались выставки и проводились лекции по изобразительному искусству. Лекции читали работники Эрмитажа. В январе 1966 года группа

студентов-активистов университета культуры с преподавателями В.Д. Федоровой и К.Т. Ревой были награждены поездкой в г. Москву.

сигнал к исследованиям предполагаемых возможностей совершенствования учебного процесса с их использованием. В это же время растущая перегруженность кафедры и возникающие в связи с этим трудности

организации учебного процесса, привели к решению деления кафедры иностранного языка на кафедру английского, французского и немецкого языков. Разделение произошло в 1967-м в последний год ректорства М.А. Богомолова, который получил в народе прозвище «Хозяин». Стиль его руководства соответствовал этому званию. Было известно, что он каждое утро обходил вузовское хозяйство, включая гараж, мастерские и только после проводил утреннее заседание. При нем началось значительное строительство объектов учебного, лабораторного и социально-бытового назначения. Разделённые кафедры также получили расширенную материальную базу. Кафедра английского языка осталась под руководством М.Я. Чистика. Кафедру немецкого языка возглавила сорокадевятилетняя Б.Г. Кербс.

В начале 60-х годов под знаком модернизации на кафедру начали поступать технические средства. Появились эпидиоскоп, магнитофон, кинопроектор. Но эти средства использовались на занятиях крайне редко. Их утилитарность при полном незнании места в обучении несли больше негативного чем пользы. И все же это был

организации учебного процесса, привели к решению деления кафедры иностранного языка на кафедру английского, французского и немецкого языков. Разделение произошло в 1967-м в последний год ректорства М.А. Богомолова, который получил в народе прозвище «Хозяин». Стиль его руководства соответствовал этому званию. Было известно, что он каждое

Обрусевшая немка, она сохранила общеизвестные черты, присущие этой нации: аккуратность, строгость, требовательность, дисциплинированность. Будучи еще заведующей секцией, она усвоила основы руководства кафедрой, переняв опыт трех предыдущих заведующих. Но после вступления в должность у нее начали проявляться некоторые ранее не замеченные черты характера, породившие сдержанность по отношению к ней членов кафедры. Стали очевидными скрытность, граничащая с непредсказуемостью, категоричность в суждениях, переходящая в нетерпимость к её мнению, но решающими критериями в выборе на заведывание кафедрой в то время были два основных требования: уровень знания языка и достаточный опыт работы в преподавании. Как раз этим требованиям и соответствовала Б.Г. Кербс.

В момент разделения кафедры немецкого языка кроме 16-ти преподавателей имела в своем составе и лаборанта. Меньшая часть коллектива это были опытные педагоги, начавшие свою преподавательскую деятельность с 40-50х годов. Подавляющее большинство составляли так называемые «Шестидесятники», которым только еще предстояло совершенствовать учебно-воспитательный процесс.

Коллектив кафедры немецкого языка 1967 г.

Нижний ряд слева направо: К.Л. Рева, А.Ф. Сивокозова, Б.Г. Кербс, М.И.

Галичина, В.А. Лукьянова, М.В. Кравченко, А.А. Савинова

Верхний ряд слева направо: К.С. Бойко, М.Л. Логвиненко, Л.И. Кислякова,

Г.Г. Левченко, В.Е. Шамало, Н.А. Мазурина.

На фото отсутствуют преподаватели кафедры: И.В. Зотова, Е.С.

Петраков, Р.И. Рабинович

При разделении кафедры получила вместе со служебными помещениями целый ряд предметных аудиторий. Первым оснащением их стало радиофицирование, выполненное специалистами отдела технических средств обучения института. Появилась возможность вещания на все аудитории информации на немецком языке. Под руководством Б.Г. Кербс преподаватели кафедры начали работать над созданием учебных материалов для использования их в лингафонных классах и в обычных аудиториях. Оживилась работа по сбору и комплектованию наглядных пособий. Разрабатывались методические указания к текстам по специальностям. Таким образом работа кафедры по модернизации учебного процесса не вызывала сомнений.

В период заведования кафедрой Б.Г.Кербс в моей жизни произошли два значимых события, которые хотя и не оставили особого следа в истории кафедры, но и не позволили преждевременно оборвать или завершить её ход. Первое событие — это создание семьи в условиях проживания в общежитии института. В то время подавляющее большинство молодых преподавателей (в том числе и семейных) проживали в общежитии. Второе - неожиданный призыв в армию в августе 1968 года, спустя два месяца после рождения сына. Причиной призыва стало появившаяся напряженность в стране. В наметившейся к этому времени разрядке в мире Советские вооруженные силы произвели значительное сокращение. Но произошедшие события в Европе (чешские события) вызвали необходимость срочного пополнения армии, в том числе и за счёт призыва в её ряды мужчин до 30 лет. Особенно потребовались кадры с высшим образованием. Из ДПИ также были призваны преподаватели этого возраста. Кафедра довольно спокойно отреагировала на произошедшее, так как оно касалось больше личной жизни и не затрагивала, в общем, её интересы.

Угроза распада ещё не окрепшей семьи, непредсказуемость в дальнейшем личной судьбы и судьбы жены-студентки с 2-х месячным ребёнком побудили искать помощи у руководства института, поскольку военкомат, несмотря на все доводы сохранения семьи, оставил приказ в силе. Взяв грудного ребёнка, мы с женой пошли на прием к ректору Георгию Васильевичу Малееву, только что вступившему в должность. Георгий Васильевич встретил нас с пониманием, но интересы государства были выше его полномочий. Взяв на руки ребёнка, он ходил по кабинету и с не скрываемым сочувствием убеждал нас в невозможности отмены приказа. Кто бы мог подумать в тот момент, что через 22 года Георгий Васильевич окажется у этого малыша научным руководителем дипломной работы выпускника ДПИ. Будучи не безразличным к нашей семье, он пригласил в кабинет председателя местного комитета профсоюза проф. П.М. Кондрахина для нахождения возможной помощи в сложившейся ситуации. В итоге было принято решение: во-первых, за мной оставалось место на кафедре, и во-вторых, жене с ребёнком гарантировалось жильё в общежитии до моего возвращения из армии (призыв был на 2 года). С этим я, как и другие мои

коллеги, отправился в непростой путь служения Родине. Главное управление кадров в Москве определило место службы: Группа советских войск в Германии (ГСВГ).

Получив предписание, я возвратился в Донецк. В военкомате меня полностью обмундировали, выдали военный билет и в звании лейтенанта отправили в Киевский военный округ для дальнейшего продвижения к месту службы. Киев встретил меня угрюмо и настороженно. Округ был на военном положении. Спали не раздеваясь. Через сутки, из призванных было сформировано подразделение, которое отправили поездом Киев-Берлин в ставку Главнокомандующего ГСВГ. Страхи, поселившиеся ещё со времени призыва, не покидали меня на протяжении всего следования к месту службы. В Бресте была остановка, связанная с регистрацией пересечения границы. Выходили из вагона под оглушительный рев танков, движущихся по улицам городка. На перекрёстке по пути к комендатуре вдруг один танк остановился. Из него выскочил капитан танкист и, подбежав ко мне громко прокричал: "Лейтенант, ну где ты пропал, мы уже второй заход не можем тебя забрать". Пока он тащил меня к танку, я успел достать предписание и показать ему. Тот, в сердцах сплюнул, крикнул, наблюдавшему из люка танка механику: "вот черт не того взяли" и отпустил меня. Танковая дивизия, как оказалось, шла в Чехословакию. Это был один из моментов, когда я по-настоящему испытал истинное чувство страха. Ощущение какого-то беспокойства возникло, когда пересекали границу с ГДР. В темноте ночи кто-то крикнул: "Едем по Германии!" Медленно и со страхом я потянулся к темному окну и, не успев заглянуть в него, мгновенно опустил. В голове пролетело: «вдруг окно прощёт автоматная очередь». Видимо были ещё свежи в памяти ассоциации прошлого. К месту назначения прибыли с рассветом и, несмотря на раннее утро, у входа в здание уже тянулась очередь по распределению. Стоящих рядом призывников охватывал страх, когда появившийся в дверях товарищ с бледным лицом произносил: "в Чехословакию!" Мне очень повезло, я получил направление в восьмую гвардейскую им. В.И.Чуйкова армию, которая дислоцировалась в Тюрингии между Веймером и Эрфуртом. В Веймере нас продержали до приезда командующего 3 суток, выдав аванс по 200 марок. Все ринулись в город по магазинам и гаштетам, где я как знающий язык помогал товарищам в переводе. Это было первое в Германии не планируемое естественное "повышение квалификации". При распределении, я был зачислен в отдельный разведывательный батальон особого назначения буквально в километре от Бухенвальда. Иногда, в свободное от службы время, я пешком отправлялся в бывший концлагерь. И каждый раз меня охватывал ужас от того, что происходило в этом аду. Служба в армии заставила более глубоко прочувствовать, что такое дисциплина и ответственность. В части, где я служил, любой опрометчивый поступок или не чёткое выполнение задания с грифом грозили в лучшем случае отправкой в Союз в 24 часа, а в худшем более серьёзное наказание, вплоть до удаления из части с неизвестными последствиями.

Во время службы нас привлекали иногда к разным мероприятиям, которые в отдельных эпизодах требовали быстрого, но рискованного решения, от которых могла зависеть дальнейшая твоя судьба. Так в самом конце октября 1968 года в ГДР широко отмечался 50-летний юбилей комсомола. В Берлин были направлены от всех армий солдаты и офицеры, отличники боевой и политической подготовки. По программе намечались: выступление Генсека СЭПГ с докладом перед армейцами, церемония награждения отличников БПП, экскурсия по Берлину. Торжественное собрание проходило в одном из правительственных зданий. В нем специальный зал был разделен на секторы, в которых при проведении международных встреч, иностранные делегации занимали свои секторы. Они были так устроены, что для каждого существовала небольшая оборудованная кабина для переводчика, обслуживающего свою делегацию. Офицеры и солдаты ГСВГ были размещены в пяти секторах. В кабинах каждый переводчик занял свое место. Текст выступления генсека был переведен на русский язык и в печатном виде был роздан переводчикам. Мы, переводчики, несколько раз репетировали его чтение при синхронном звучании на немецком языке, имитирующем выступление докладчика. Хотя перед началом ощущалось волнение, но тщательно подготовленная работа вселяла уверенность в благополучном завершении доклада. Все складывалось нормально, но где-то в середине доклада, когда речь шла о судьбе Берлина, который западники требовали передать ФРГ, докладчик на пару секунд остановился и, как бы про себя, произнес: "Am Nimmehrmehrstag". Этой фразы в докладе не было, наступила беспереводная пауза. Благо длилась она несколько мгновений. Докладчик продолжил свою речь, и все закончилось благополучно. Но почему-то ощущение было такое, что вот-вот откроется дверь, и за тобой придут для беседы. Сразу после доклада нас пригласили к референту, который поблагодарил за работу и мимоходом спросил: "Как бы эта не переведенная фраза «am Nimmehrmehrstag» звучала по-русски?" В русской фразеологии она звучала бы так: "после дождичка в четверг" т.е. никогда. Неизвестно коков был бы финал, если бы кто-то дал в эфир такой перевод. Иногда приходилось сопровождать высоких армейских чинов в их поездках за пределами части. Были встречи с местными властями и другие мероприятия.

Прошли два года службы. Хотя она была временами напряженной, но не напрасной. Много было приобретено для дальнейшей жизни. Знания, опыт, уверенность. В последний момент прощания ко мне обратился комбат с просьбой оказания возможной помощи при поступлении его сына в ДПИ (он был о ДПИ наслышан). Но случилось так, что в помощи мне пришлось нуждаться самому. Произошло это по возвращению на родину. В Донецк я прибыл перед началом учебного года. Отложив встречу с родственниками на некоторое время, я отправился на кафедру доложить о прибытии и готовности приступить к работе. Внешне, в районе студгородка, мало что изменилось. Тот же учебный корпус, те же общежития и почти те же

знакомые лица. Казалось, что я вовсе не покидал эти места. Пройдя мимо преподавательской, я постучал в дверь кабинета зав. кафедрой, и на голос "войдите" открыл дверь. Берта Генриховна сидела за столом и что-то писала. Увидев меня, она несколько смутилась и сдавленным голосом пригласила присесть. Сухо поздравив с возвращением, она без лишних предисловий заявила: "Геннадий Григорьевич, извините, но кафедра полностью заполнена, свободных вакансий нет, ищите себе работу в другом месте". Меня словно ошпарили кипятком. От неожиданности я потерял дар речи. Придя в себя, я напомнил о том, как меня призывали, на каких условиях и попросил БERTY Генриховну прояснить в ректорате эту ситуацию. Но она почему-то наотрез отказалась заниматься моим делом, сказав абсолютно спокойно: "идите куда хотите и разговаривайте с кем хотите". Такая встреча меня возмутила до глубины души. Поблагодарив за оказанный "тёплый приём", я тут же отправился непосредственно к ректору. Георгий Васильевич встретил меня приветливо, поздравил с возвращением и спросил с каким вопросом я к нему пришёл. Услышав мой рассказ, он тут же пригласил секретаря парткома Владлена Николаевича Маценко (я был членом партии с 1966 года) и поручил разобраться в этом деле. В жизни ВУЗа партком играл важную роль, и особенно если это касалось члена партии. Не знаю какой был разговор с Бертой Генриховной, но на следующий день кто-то из преподавателей, пришедших в общежитие, сказал, что меня приглашает на кафедру заведующая. Берта Генриховна, как ни в чем не бывало объявила, что ставку на кафедру нашли, и я могу приступить к работе. В отделе кадров занесли в трудовую книжку запись "служба в армии", а 28 августа я должен был приступить к работе. Преподаватели, в том составе в каком меня провожали, в таком и встретили, не изменив ко мне своего дружеского отношения. Началась кафедральная жизнь.

Несмотря на относительно короткий срок отсутствия, на кафедре наметились некоторые изменения. Время 60-70 годов в стране можно охарактеризовать, как эпоху интенсивного развития технико-

Преподаватели: Левченко Г.Г. и Сорокотяга Н.А. во время обсуждения телелекции на областном телецентре 1971 г.

технологического прогресса, результаты которого не могли обойти и систему образования. Например, влияние телевидения стало настолько значимым, что даже по областному телевидению велись занятия для студентов-заочников по разным дисциплинам. Немецкий язык также был включён в программу "Институт у вас дома".

Трудно судить об эффективности и результативности такого дистанционного обучения, но преподаватели М.И. Галичина, Л.М. Логвиненко, Е.С. Петраков, Г.Г. Левченко, Н.А. Сорокотяга проводившие

Сорокотяга Н.А.

Галичина М.И.

занятия с телевизионных экранов стали известны далеко за пределами ВУЗа. Их узнавали на улицах Донецка.

Это был, пожалуй, единственный ВУЗ, пользовавшийся такой славой. К телепередачам готовились, тщательно отрабатывая каждый фрагмент 30 минутного вещания. Прямой выход в эфир в отсутствие в то время видеозаписи

давался не каждому. Положенный в основу принцип телевидения (каждая ошибка или промах увеличивает их негативное влияние многократно) требовал усиленного внутреннего напряжения. Были случаи, когда некоторые, известные в области функционеры, не могли появиться на телеэкране отчасти из-за чувства страха, отчасти от отсутствия умения преподнести речь перед камерой без бумажки.

Старший преподаватель Петраков Е.С. и ассистент Сорокотяга Н.А. ведут передачу «Институт у вас дома» 1973 г.

В дальнейшем занятия на областном телевидении во многом способствовали возникновению серьезного научно-педагогического исследования в области методики преподавания иностранных языков. Имидж кафедры повысился и с участием в республиканских конкурсах на лучшего студента (студентки), владеющих иностранным языком, где, как правило, наши студенты занимали призовые места. Во многом заслуга

в этом принадлежала старшему преподавателю Зотовой Ирине Васильевне, которая организовывала и руководила участием в конкурсе.

*Ст. преподаватель
Зотова И.В.*

В начале 70-х годов началось сотрудничество ДПИ с Магдебургской высшей технической школой им. Отто Фон Герике (ГДР). С целью знакомства и установления контактов первыми наш ВУЗ посетили руководители МВТШ. За ними в этот процесс включились учёные и сотрудники факультетов и других подразделений. Одними из первых начали сотрудничество учёные металлургического и механического факультетов

(В.Я. Седуш, Р.А. Богданов). Учёные горно-геологического факультета Б.С. Панов, В.А. Корчемагин установили долгосрочные связи с учёными горной академии г. Фрайберга. Постепенно связи расширялись за счет включения представителей других факультетов и кафедр. Было бы несправедливо недооценить роль кафедры немецкого языка в возникновении и становлении такого широкого сотрудничества с немецкими ВУЗами, которое вывело ДПИ на первое место по показателю международного сотрудничества ВУЗов республики. Активно работали переводчиками члены кафедры Е.С. Петраков, Г.Г. Левченко, Л.С. Бойко, Н.А. Сорокотяга, И.В. Зотова, К.Т. Рева, Н.А. Цисарчук. Наконец и кафедра немецкого языка "породнилась" с институтом иностранных языков МВТУ. Со второй половины 70-х годов сотрудничество в языковой сфере расширилось до совместных научно-методических исследований преподавания иностранных языков.

*Г.Г. Левченко
Зав. Кафедрой с 1975г.*

В 1975 году подошло время ухода Б.Г. Кербс на пенсию. Предстояло избрание нового заведующего. Достойных на кафедре было достаточно. На должность могли претендовать старшие преподаватели: К.Т. Рева, М.И. Галичина, Е.С. Петраков, Л.М. Логвиненко. Каждому из них Берта Генриховна обещала содействие при избрании. Вопрос обсуждался на уровне ректората. Георгий Васильевич Малеев, не упускавший из виду жизнь кафедры, высказал по этому поводу своё мнение, основываясь на следующем: кафедра, как неотъемлемая часть прогрессирующего в 70-80 годах ВУЗа, должна была поднять и свой уровень на более высокую ступень, усилив своё влияние среди подобных кафедр за пределами ВУЗа. С одной стороны, избранный на должность обязан хорошо знать кафедру, её потенциал. Ректор был против прихода на кафедру постороннего человека (если это не был, конечно, известный учёный). С другой - претендент должен быть относительно молодым и способным организовать в перспективе научную работу. В этом случае избрание на один срок предпенсионных "старичков" не имело смысла. К мнению ректора прислушивались. Следует заметить, что он с особым вниманием относился к гуманитарной составляющей инженерного образования. По словам Аристотеля в нем видно по природе были заложены гены гуманитарного. Поэтому, среди нас, ректор носил прозвище "педагог". В подтверждение этого Георгий Васильевич в Верховном совете СССР занимал пост заместителя председателя комитета по высшему образованию и его развитию. Говорил он всегда чётко, ясно, грамотно, аргументировано и красиво. Это был настоящий интеллигент.

После обсуждения было принято решение назначить для начала и.о. зав. кафедрой Г.Г. Левченко, т.е. меня. Во внимание были приняты: достаточный опыт педагогической деятельности, опыт пребывания в Германии, членство в партии и, конечно возраст. Но в заключение Малеев серьёзно предупредил, что если я в установленный срок не займусь научной работой, то буду вынужден покинуть должность. На кафедре мало кто ожидал такого решения. Ведь нарушалась сложившаяся традиция. Не обошлось, конечно, без недовольных. И особенно была разочарована Б.Г. Кербс. Сомнения и недовольство были рассеяны, когда по поручению ректората, декан горно-геологического факультета (кафедра была тогда в его составе) Н.П. Беспалый собрал коллектив кафедры и объявил решение ректората. С этого момента начался новый этап в моей жизни и деятельности кафедры, особой эпохи 70-80 годов.

Вступив в должность, я прежде всего обновил материальную часть кафедры, заменив все старое оборудование на новое. Здесь у меня начались отношения с нашей бухгалтерией. В финансировании оказывал помощь главный бухгалтер Яков Михайлович Манойло. Это был один из опытейших бухгалтеров того времени, умевший по-деловому распоряжаться как финансами, так и всей материальной базой института. Он никогда не отказывал ни в приобретении на кафедру всего необходимого, ни в оплате командировочных расходов в поездках, как по стране, так и за рубеж.

*Н.П. Беспалый
Декан горно-геологического
факультета*

Через месяц я был проведён по кафедре старшим преподавателем (ведь я был ассистентом), а ещё через месяц избран по конкурсу на пять лет заведующим. Это было время становления и признания меня коллективом кафедры полноправным руководителем. Но, как дамоклов меч висело надо мной серьёзное условие ректора стать учёным заведующим единственной в ВУЗе, на то время, "неостепененной кафедры". Надо сказать, что и время диктовало свои условия. По возвращению из Германии я, собственно, сам уже понимал необходимость идти в науку, даже потому, что многие мои сверстники, прибывшие вместе со мной в шестидесятые в институт, и проживавшие в общежитии уже занимались в аспирантуре. Правда их путь в науку не был проблемным в определении объекта исследования и наличия научного руководителя. Все это решалось на кафедрах, обладающих высоким научно-техническим потенциалом.

Ещё до целенаправленного поиска путей в область научных исследований, я столкнулся с привлёкшим моё внимание фактом. Будучи в 1972 году на курсах повышения квалификации в Львовском государственном университете им. И. Франка мне пришлось присутствовать при защите

диссертации на тему "Пути, формы, и методы воспитательной работы в пионерских лагерях". Многие из содержания этой работы было для меня понятно из опыта работы в школах и пребывания в пионерских лагерях. И тут у меня возникла мысль провести подобное педагогическое исследование, но совсем другого уровня и другими целями в условиях ВУЗа. Основание для этого было создано самим ВУЗом. Так начиная с 1964 года, я окунулся в студенческую жизнь в оздоровительно-спортивном лагере "Буревестник" на берегу Азовского моря, где я сначала активно участвовал вместе со студентами и преподавателями кафедры физвоспитания в его строительстве. Затем длительное время работал в каникулярное время и время отпусков зам начальника лагеря по политико-воспитательной и культурно-массовой работе. Новизна исследования заключалась ещё и в том, что на этой же территории одновременно был построен и функционировал пансионат для преподавателей, которые вполне естественно участвовали во всех социально-значимых мероприятиях. В них при правильной организации, мог реализоваться большой потенциал воспитания и просвещения, которого явно не доставало в нормативном учебном процессе.

Это, было бы, конечно, педагогическим исследованием. Но поскольку главенствующим признаком педагогики был принцип партийности, то подобного рода исследования имели место только с разрешения партийного комитета института, тем более не педагогического. Сформулировав тему как: "Влияние содержание форм и методов культурной массовых мероприятий в ВУЗовских базах отдыха как средство формирования положительных черт

студенческой молодёжи", я представил её на заседании парткома. Тема была раскритикована одним росчерком пера. Один из членов парткома, начальник учебной части Грибачева, заявила, что в этих условиях не должно быть контакта между преподавателями и студентами, между ними должна быть построена стена. Таким образом, лагерь как объект научного исследования был оставлен, но как объект реализации на практике культурной массовой работы с целью взаимного культурно-гуманитарного обогащения оставался долгое время.

Так закончилась первая попытка войти в область научного исследования социально-гуманитарной составляющей обширной системы вузовского образования. Но как и в детстве, стать учителем, меня в этом случае охватили желание и стремление стать ученым в области педагогической науки, к чему меня обязывала и занимаемая должность.

Многие события, происходящие в масштабах страны, всегда влияют на изменения в образовании, в том числе и в высшем. Так в 70-х годах в школьном образовании произошла переориентация в обучении иностранным языкам. Широкое распространение получил английский

Кафедра немецкого и французского языков 1976 г.

язык. Насыщенность среднего образования английским языком стала ощутимо сказываться на ВУЗе. Возросла численность студентов изучающих английский язык. Естественно, увеличился штат

преподавателей английского языка и тогда в 1976 году преподаватели французского языка В.С. Гнатенко, П.В. Смыковский, В.И. Калита были переведены на кафедру немецкого. И кафедра стала именоваться кафедрой немецкого и французского языков.

Позже на кафедру пришли Н.П. Воскобойникова, Л.И. Ковалева, Р.М. Иванова и «французы» организовали в составе кафедры свою секцию. Именно в этом, долгое время практически неизменном составе, кафедра на протяжении многих лет становилась победителем соцсоревнований, что заметно повышало её престиж в ВУЗе. Это было время заметного подъёма работы кафедры. А о достижениях её многоаспектной деятельности и о серьёзных планах на будущее широко освещалось в вузовской прессе.

Явный технический прогресс, чем характеризовалась эпоха 60-70-80-х годов, сопровождался масштабным внедрением в систему образования её результатов в виде технических средств и целых комплексов, которые быстро совершенствовались за счёт набиравшей темпы технологий. На смену эпидиаскопов, грампластинок, кинопроекторов, пришли лингафонные кабинеты, магнитофоны, телеаппаратура, компьютерная техника. В широкомасштабном движении модернизации ВУЗА был создан уникальный по тому времени телевизионный центр, воплотивший в себя все технико-технологические достижения. Телекомплекс был органично соединен с учебной базой (телеаудитории, помещения для развития схем занятий, апробирования фрагментов телелекций и т.п.). В тот момент учебный телецентр ДПИ приобрёл всемирную известность. Его создатели были отмечены высокими наградами. А в 1976 году учебный телекомплекс демонстрировался в качестве

Телецентр ДПИ: Г.Г. Левченко, Б. Денеке, С.А. Жеданов

показательного на ВДНХ СССР. Особые заслуги в его создании принадлежало проректору С.А. Жеданову, декану М.Б. Шумяцкому,

кафедре автоматики и телемеханики и персонально - отличным знатокам телевизионной техники Б.Е. Иванову и В.И. Бакланову, которые осуществляли руководство телецентром после сдачи его в эксплуатацию. Новизна и комфортность телецентра, уже ставшего учебно-замкнутой телевизионной системой (УЗТС) привлекли внимание большинства вузовских лекторов, которые соревновались в получении разрешения на использование телецентра для чтения лекций. Особый интерес вызвала возможность УЗТС вести лекцию на несколько аудиторий. Но вскоре стало очевидным, что отсутствие живой обратной связи лектора со студентами заметных успехов не принесло. Первый опыт использования телецентра был отражён в докладе С.А. Жеданова «Опыт работы замкнутого учебного телецентра» в информационном центре высшей школы в Москве (1973 год). На этом «слава» телекомплекса как средства обучения постепенно угасала.

Кафедра немецкого языка по-своему устанавливала отношения с телецентром. Происходило это так: телецентр был построен в третьем учебном корпусе в двадцати метрах от кафедры и её предметных аудиторий. Возникла мысль подключить к УЗТС предметные аудитории. С этой мыслью я поделился с ребятами из телецентра, но по многим причинам это оказалось не осуществимо. Дружба с телецентром

Доклад проф. Б. Денеке (ГДР)

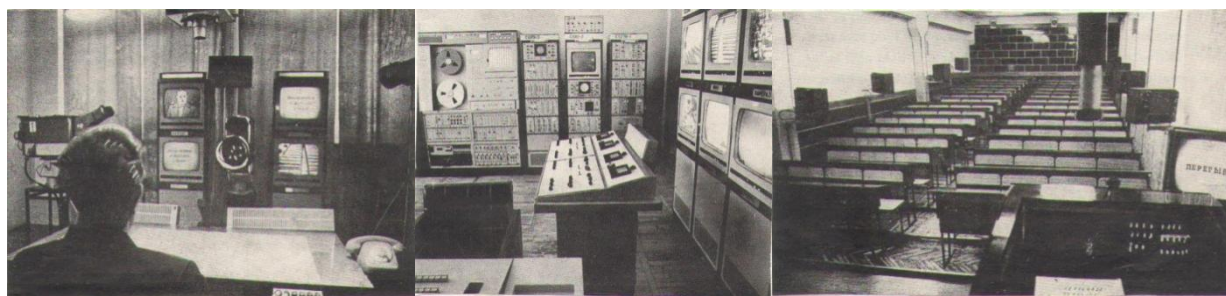
укреплялась еще и тем, что с целью ознакомления телекомплекс часто посещали сотрудничавшие с ДПИ представители из ГДР.

Во время переводческой работы я все чаще открывал для себя дидактические возможности УЗТС.

В ходе этих встреч выяснилось, что в МВТШ также существовал и

функционировал теле-комплекс, сотрудниками которого у нас вскоре установились тесные связи в виде своеобразного триумvirата двусторонних телетехников и меня как постоянного переводчика. Выяснились функции использования телевидения в МВТШ. Они были связаны с глобальными вопросами моделирования, в том числе и педагогических процессов. На практике это осуществлялось так: они создали школьный класс, оборудовали его скрытыми камерами и

записывали процессы занятий по различным дисциплинам. Затем совместно с учителями анализировали успехи и не успехи методического и психолого-педагогического поведения КДК учителей так и учащихся с последующими выводами и рекомендациями. И каждый раз я убеждался в на первый взгляд не видимых возможностях совершенствования парадигмы обучения иностранным языкам в реальном единстве создания учебных телематериалов и методики обучения здесь же в среде их применения. Так определился для меня поиск научной теоретического и практического исследования теле обучения в вузовской системе преподавания. иностранных языков. Став зав. кафедрой, я стал часто посещать по приглашениям конференции, посвящённых проблемам филологии и методики преподавания иностранных языков. Впервые я посетил такую конференцию в Мариуполе, где познакомился с зав. кафедрой немецкого языка Киевского политехнического института (КПИ) доцентом Ю.В. Гнаткевичем В дружеской беседе я поделился с ним своими мыслями относительно возможности каким-то образом к присоединится к науке, рассказав при этом о своём опыте сотрудничества, как у нас, так и МВТШ в области использования телевидения. Ю.В. Гнаткевич сказал, что он не специалист в этой области и настоятельно посоветовал приехать в Киевский институт иностранных языков к зав. кафедрой методики преподавания ИЯ Д.П.Н. проф. Ляховицкому Михаилу Васильевичу. Он считался в стране светилом в методике с использованием ТСО, создателем целого научного направления обучения ИЯ с использованием звукозаписи. Была вероятность, что он мог бы заинтересоваться и телеобучением. А затем возможно согласился бы открыть аспирантуру по этому направлению. Сделав для убедительности фотоснимки основных узлов УЗТС я отправился в Киев.

Учебная замкнутая телевизионная система ДПИ, включавшая в себя лабораторию создания телепрограмм, студию видеозаписи, телевизионную аудиторию.

Отыскав кафедру методики и рядом с ней кабинет заведующего, я со страхом постучал в дверь кабинета. Причиной страха был тот факт, что я зав. кафедрой такого известного в стране ВУЗа, имея уже за плечами солидный опыт обучения ИЯ, в том числе и по телевидению, выглядел совершенно беспомощным перед человеком, имеющим огромный авторитет среди учёных педагогов в стране и за её пределами. Но поборов страх, я откровенно поделился с ним всеми обстоятельствами сложившейся ситуации, показав фото УЗТС и убедив его в беспрепятственном доступе к телецентру с целью проведения экспериментов и проведения опытного обучения в его телеаудиториях. Михаил Васильевич, выслушав все внимательно, дал согласие взять меня в заочную аспирантуру, но с некоторыми условиями. Во-первых, я был уже в более зрелом для аспирантуры возрасте, во-вторых, я был равным с ним по должности. И это его смущало, потому что, это был первый прецедент поступления в аспирантуру. Тут он совершенно серьёзно сказал: «Геннадий Григорьевич, вы, конечно, равный со мной по должности, но в науке вы "ржавый гвоздь" которого надо очень основательно чистить, поэтому вам придётся выполнять все мои указания и быть дисциплинированным аспирантом. Мы часто будем заслушивать отчёты о вашей работе на заседаниях моей кафедры, приезжать в Киев не реже четырёх раз в году. Подумайте, если мои условия вас устраивают, я буру на себя руководство ваших научных исследований. И не подведите меня».

Затем он озадачил меня положением, в соответствии с которым я должен был получить разрешение на прикрепление к аспирантуре в министерстве просвещения, т.к. вся пед. наука была в ведении этого министерства. Одно время министерство просвещения выделяло министерству высшего образования квоты на места в аспирантуру. Но затем эти карты были отменены, а министерства объединены в одно, что по моему мнению было для государственного образования неоправданной ошибкой.

Получив письменное согласия М.В. Ляховицкого, я отправился в министерство просвещения, где без особого труда получил разрешение. На начальном этапе М.В. Ляховицкий взял меня в качестве соискателя (видно с испытательным сроком) и определил на первое время программу действий. Прежде всего он настоял на том, чтобы я приехал в Киев на четыре месяца на курсы повешены квалификации. За этот период я должен был изучить основательно педагогику, методику и психологию, сдать кандидатские экзамены по иностранному языку и педагогике, написать статью или тезисы и выступить в Киеве на республиканской конференции в конце пребывания на курсах. С таким грузом обязательств я возвратился в Донецк и доложил ректору Г.В. Малееву о начале выполнения его условий. Он одобрил мои усилия и пригласил проректора по науке М.П. Зборщика, попросив его оказывать

мне всестороннюю поддержку. Не откладывая дело в долгий ящик, я отправился в Киев, передав на время заведывание кафедрой Е.С. Петракову. Кафедра к этому времени состояла почти полностью из старших преподавателей, прошедших вузовской путь педагогической деятельности в начала 60-х годов. Поэтому они успешно осуществляли учебный процесс, активно участвовали в общественной жизни института, оказывая дополнительно переводческую помощь сотрудничавших с Германией кафедрам.

В Киеве, за время пребывания я на курсах я полностью выполнил всю программу. Успешно сдав экзамены, написал и отослал Москву на Всесоюзную конференции тезисы и в необычной обстановке выступил в заключительной части конференции. Конечно, я понимал, что от этого выступления многое зависело, и имидж М.В. Ляховицкого, как научного руководителя, и признание меня в обществе научных исследователей. Ситуация развивалась следующим образом. Ведущий конференции перед самым её закрытием попросил у зала 3-5 минут внимания, и предоставил мне слово. Предстояло как-то взбодрить уставший зал, унять многоголосие шума и вызвать интерес к сообщению. Опыт выхода из подобных ситуаций у меня уже был. Я заранее попросил вывести на экран на несколько секунд, пока шёл между рядами к трибуне, фото УЗТС. Эффект сработал. Поднявшись на трибуну, я сразу обратился в зал со словами: "Уважаемые коллеги, скажите, кто из вас занимается методикой теле обучения? У кого из вас имеется такой учебный телецентр?" и вывел на экран не успевшим ранее рассмотреть фото УЗТС. Зал притих и внимательно выслушал моё краткое выступление. Вдруг, присутствующий в зале из Одессы проф. Берман в присущей одесситам манере выкрикнул: "Кто такой? Почему не знаю? "Так состоялось моё первое выступление на довольно высокого уровня конференции. После вызвавшего интерес выступления пошли приглашения на конференции в Москву, Ленинград, Барнаул, Тюмень, Пермь, Алма-Ату, Харьков, Ужгород, Киев и Германию. И каждый раз при посещении этих городов меня приятно удивлял тот факт, что **ДПИ был известен практически во всех ВУЗах страны**. А в Перми мне даже показали учебные пособия профессора В.И. Николина, которые были задействованы в учебном процессе. В методике преподавания актуальным всегда был вопрос обучения говорению, и особенно на уровне развернутых высказываний, т.е. монологической речи. Как правило, этому обучали на печатных текстах, где по меткому выражению проф. М.В. Ляховицкого "чтение убивает речевое общение". Поэтому в общем процессе обучения следует выделить место и создать соответствующие условия обучения говорению не на печатных источниках (особенно на начальных этапах), а на видимой и слышимой иностранной речи, преимущественно в исполнении носителем языка. Именно в условиях УЗТС такое развернутое монологическое

высказывание, специально разработанное и выполненное в видеозаписи и выступает единицей обучения, в которой воплощен такой комплекс как тема, время, лингво-грамматическое содержание, соответствующие этапу обучения.

На базе созданных теле материалов осуществляется методика и процесс овладения устной иностранной речью. Выдвинутые положения послужили обоснованием для определения темы диссертационного исследования "Обучение устному подготовленному монологическому высказыванию с использованием учебной замкнутой телевизионной системы на первом курсе неязыкового ВУЗа(на материале немецкого языка)". Значение разработанной методики заключается в том, что во-первых она выполнена в ДПИ, а во-вторых может быть положена в основу подобных методико-педагогических разработок в любых учебных заведениях, на материале любого языка разного уровня сложности, т.е. методика приобрела характер универсальности.

Х. Дрешер: Очередной дубль исполнения монологического высказывания как образцовой единицы обучения

К участию в разработке практической части методики были привлечены преподаватели кафедры Н.А. Сорокотяга, В.А. Лукьянова, Н.А. Цесарчук, педагоги германисты из МВТШ Карин Гофман, Хелла Дрешер и профессионалы телецентра, умеющие на практике создавать всевозможные модели учебного процесса с помощью технико-технологических возможностей УЗТС. Разработка теоретических основ обучения, экспериментальная часть и

опытное обучение длилось пять лет, показывая свою эффективность в каждом году. Приходится сожалеть, что преподаватели других дисциплин не использовали именно учебно-методический потенциал телевидения с учётом специфики учебного предмета.

За этот период времени ДПИ настолько расширился, что из него отделился строительный факультет и преобразовался в институт промышленного и гражданского строительства в г. Макеевка. Многие преподаватели из разных кафедр перешли в этот институт. Мне также предложили создать в нем кафедру иностранных языков, но я естественно отказался ввиду не завершенности научной работы, да и статус ДПИ был намного выше статуса строительного института. Постепенно исследование к 1984 году было завершено. Но накануне защиты были выдвинуты новые требования к гуманитарным диссертациям. Существовавшая до этого экспертная оценка

приобретенных знаний и умений была заменена на их количественную оценку методом математической статистики. Пришлось работать ещё год над переделкой последней главы. Возникла необходимость осваивать теоретические основы матстатистики. Здесь мне помогла консультациями кафедра прикладной математики и ее заведующий проф. В.Я. Спорыхин. С этой кафедрой, во главе которой позже стал проф. В.Н. Павлыш, у нас сложились тесные связи, в том числе и в освещении вопросов педагогики и методики.

В обработке показателей результатов экспериментального обучения мне оказала помощь лаборатория физиологии и спорта кафедры физвоспитания ДПИ, и непосредственно зав. лабораторией доц. Удовиченко Юрий Константинович. Это была серьёзная хорошо оснащенная исследовательская лаборатория. Нагрузка на этом этапе с учётом заведования кафедрой достигла своего предела. и вновь пришли на помощь ректор Г. В. Малеев и проректор М. П. Зборщик, предоставив годичный творческий отпуск. Диссертация была завершена и представлена к защите 10 января 1985 года в совет по защите диссертаций в Киевский госпединститут иностранных языков. На защите присутствовали представители Москвы, Ленинградского политехнического института, как ведущей организации, зав. кафедрой иностранных языков Перми, представители Горловского института иностранных языков.

Вечером после защиты ко мне подошли представители Горловского института и предложили должность по научной работе в их ВУЗе. Охваченный эйфорией я дал предварительное согласие, но уже через три дня меня пригласил и ректор Г.В. Малеев и проректор М.П. Зборщик, с которыми у меня состоялся очень поучительный разговор. О его содержании говорить я не стану, но больше об уходе из ДПИ у меня мысль никогда не возникала. Просто было стыдно, некрасиво и по всем правилам человеческой морали не справедливо так отнестись к ВУЗу и руководству, которые оказывали всю возможную помощь в самые трудные ситуации жизни.

Кафедра продолжала успешно сотрудничать с МВТШ. Были частые взаимные поездки. В одной из них мне предложили временно поработать обер ассистентом у механиков МВТШ. Должность была сродни нашим ассистентам, т.е. проработка после лекционного материала. Практически я вместе с русскоговорящими аспирантами из России, Украины, Болгарии присутствовал на лекциях, а после мы с аспирантами работали над её

*К. Гофман и Г.Г. Левченко
обсуждают вопросы создания
учебника*

содержанием, выделяя для выяснения многие непонятные моменты, терминологию и некоторые смысловые места. и затем готовили вопросы профессору к следующему занятию. В результате этой работы был собран большой материал по специальности "машиностроение и металлургия". По договорённости с коллегами из МВТШ мы заключили договор о разработке и написанию учебника для изучающих данные специальности.

После выхода в свет нашего учебника кафедра получила из Министерства высшего образования предложение на разработку и издание учебно-методического комплекса для студентов заочников всех ВУЗов республики. Преподаватели кафедры Г.Г. Левченко, В.А. Лукьянова, Н.А. Цисарчук разработали материалы и Министерство образования издал их широким тиражом. С уверенностью можно сказать, что 70-80 годы были самыми плодотворными в учебной и научной деятельности кафедры.

Наступили 90-е годы. В 1989 году ушёл на пенсию ректор Г.В. Малеев Ректором Вуза был избран представитель металлургического факультета проф. Минаев Александр Анатольевич. На его долю выпало время распада Советского Союза и переосмысление содержания вузовской реальности. Образование, хотя внешне не подверглось каким-то резким переменам, но его внутреннее содержание начало претерпевать некоторые заметные изменения. В парадигме иностранных языков ВУЗа, сложившейся за многие годы, началось движение к расширению и децентрализации. Так, в связи с растущим спросом на экономические специальности значительно расширился экономический факультет, в котором была создана своя кафедра иностранных языков. В неё ушли многие преподаватели из кафедр английского и немецкого языков. Возникли так называемые иностранные факультеты: немецкий, английский, французский. Позже в этом ряду заняло своё место польское направление. Их соответственно возглавили: проф. В.И. Калашников, доц. С.А. Ковалев, доц. Г.Н. Клягин, доц. А. Макеев. На этих факультетах были созданы и свои кафедры. Естественно, они "отобрали" преподавателей из базовых кафедр. Если все это иностранное сообщество обслуживало узкопрофессиональное иноязычное направление на отдельных факультетах, то базовые кафедры продолжали обучение на остальных факультетах ВУЗа. Ещё и другие факторы оказывали влияние на движение иностранных языков в рамках истории ВУЗа. Так, например, на вновь образованных кафедрах молодое поколение преподавателей не так быстро адаптировались в среду высокопрофессионального уровня по всем направлениям вузовской жизни. Если старое поколение работало постоянно многие годы, создавая, утверждая и совершенствуя среду, то молодежь приходила и уходила, не успев вырасти до профессионализма старших. Кафедра немецкого языка, в связи со сложившимися обстоятельствами,

стала терять свой уровень. Трудно стало планировать долгосрочные серьёзные проекты творческих исследований.

Между тем, в рамках вузовских преобразований был создан институт международного сотрудничества, который возглавил проф. И.П. Навка. При нем резко возросла интенсивность взаимоотношений с ВУЗами стран Европы. Здесь нельзя не отметить большую, многогранную работу доц. В.И. Стрельникова. В состав института помимо кафедр иностранных языков вошли представители других кафедр. По большому счёту они не имели отношения ни к педагогической, ни методической преподавательской деятельности, а привлекались для организации коммерческой деятельности в иноязычной сфере. К этому склонялись и кафедры иностранных языков. Заметно сократилась "политехнизация" иностранного языка. Так четырехгодичное обучение сократилось до двухгодичного на первых курсах. И как следствие сократилось чтение технической литературы по специальностям, раздел изучения терминологического содержания и его исследования, терялся смысл разработки пособий и методических материалов по специальностям, оставалось мало места для технического перевода. С целью оптимизации и сохранения статус-кво уровня преподавания, было бы целесообразно оставить на первом курсе усиленное освоение основ языка на материалах общетехнического содержания на всех специальностях, т.е. произвести унификацию начального этапа, а вторую часть перенести на старшие курсы соединив её с аспирантской подготовкой.

Значительным достижением кафедры немецкого языка в этот период можно считать представительство в филиале Гёте института (Германия) в Киеве. Кафедра была участницей фундаментальной разработки рамочной программы обучения немецкому языку для всех не языковых ВУЗов страны, учитывающей возможности каждого ВУЗа. Над программой работали опытные филологи и методисты кафедр ведущих ВУЗов республики. Программа с нашим соавторством была опубликована в Министерстве и разослана во все не языковые ВУЗы. Заслугой кафедры в 90 годы следует считать создание условий и прочного фундамента для усиления научного потенциала сферы иностранных языков. Так, например, автор создания учебных материалов с высоким грифом, большое количество публикаций, неоднократное оппонирование диссертаций целый ряд рецензий на серьёзные учебники и диссертационные исследования, а также научное руководство соискателями послужили достаточным основанием для подачи в высшую аттестационную комиссию Минвуза представление на присвоение учёного звания профессора зав. каф. немецкого языка Г.Г.Левченко. Благодаря очень квалифицированной работе над ваковской документацией (в том числе и моей) учёного секретаря Смирновой Аллы Егоровны мне 1994 году был вручен аттестат

профессора. В этот же период зав. кафедрой английского языка Каверина Ольга Геннадиевна подготовила и защитила докторскую диссертацию и открыла на кафедре аспирантуру. Появились свои "доморощенные" кандидаты педагогических наук. Это был весомый вклад в научную копилку ВУЗа. И все же в это время уже наметился спад уровня развития ВУЗа. Стала ощутима нехватка финансирования для поддержания на должном уровне общих структур разросшегося ВУЗа, фонда заработной платы, не говоря о финансировании ставших нормой поездок на конференции, коллоквиумы, совещания и др. мероприятий за пределами ВУЗа.

Но и положительные явления гуманитаризации технического образования имели место. Так в связи с переходом политехнического института в статус национального технического университета в 2003 году были введены в учебный процесс присущие классическим университетом дисциплины: психология, политология, социология, риторика. Ректор проф. А.А. Минаев, стоявший во главе этих преобразований, получил прозвище "реформатор", а на государственном уровне звание Героя Украины. События начала 21 столетия резко отразились на всем состоянии университета. Все годы строившееся здание функционирования иностранных языков начало разрушаться. Ушли в прошлое факультеты иностранных языков, а кафедра немецкого языка родоначальница кафедр иностранных языков в ВУЗе, не дожив до 100-летнего юбилея, прекратила своё существование.

Верхний ряд слева на право: В.В. Хохлаткина, О.В. Попова, Ю.В. Кутепова, зав. Каф. Г.Г. Левченко, Е.Н. Лисковая, М.Н. Зайцева, Ж.А. Агеева.

Нижний ряд: Н.А. Селеменова, Т.Н. Лопатина, Н.А. Цисарчук, Т.А. Малютина.

На этом фото представлен последний состав кафедры, претендовавшей на историчность в общей истории Донецкого национального технического университета.

Иностранный язык, хотя и сохранил своё место в ВУЗовской жизни, к моменту юбилея значительно утратил былую славу, однако с надеждой на возрождение достигнутого в прошлом уровня своей известности. Основанием для этого может послужить утверждение римского историка Ливия Тита о том, что в главном "законы навязанные войной будут отменены законами мира", которые приведут к процветанию инженерного образования, в том числе и в сфере жизни иностранных языков.

ЧАСТЬ 3

Не хлебом единым....

Описанных ранее событий непосредственно связанных с историей иностранных языков, было бы явно недостаточно, чтобы как можно полнее отразить особенности духа текущего времени и черты вузовского характера ДПИ, формировавшихся в течение стольких лет. И во всех случаях для меня определяющим в событиях и ситуациях, случавшихся как в ожидаемых, так и в спонтанно возникающих, было участие человека ДПИ будь то студент, преподаватель, ученый, руководитель любого ранга или же представитель обслуживающего персонала. Именно с таким многообразием встреч приходилось сталкиваться практически на каждом шагу в течение долгой вузовской жизни от её начала до завершения.

Особое впечатление производили первые встречи с волнующей новизной и обязательно с какой-то степенью знакомства и познания, как человека, так и среды, в которой это происходило. Например, кафедральный дух я прочувствовал, впервые переступив порог приёмной кафедры. В довольно просторном, но уютном и со вкусом обставленном помещении третьего учебного корпуса, в котором в тот момент никого из преподавателей не было, меня встретила строго, но приятно одетая пожилая дама лет пятидесяти, производившая впечатление хорошо воспитанной дворянки, образ которой сложился из произведений классической литературы. Она сидела за казалось бы вышедшим из моды, старомодным резным дубовым столом, на котором аккуратно была разложена кафедральная документация. На широких подоконниках больших окон благоухала целая оранжерея мало мне известных цветов. Это было уже несколько иное восприятие по сравнению с учительской комнатой в школе. Вежливо пригласив присесть, она первой

представилась: "Меня зовут Елизавета Николаевна Булькач, старший лаборант кафедры. Здесь хранится информация, связанная со всем учебным процессом кафедры. И мне уже сообщили, что вас зовут Геннадий Григорьевич, вы пришли к нам из школы. В общих чертах многое вам уже знакомо и мне остаётся только познакомить вас с расписанием и расположением учебных корпусов, разбросанными по всему центру города". Она вручила мне карточку расписания, в которой как на шахматной доске почти все клетки были заполнены аббревиатурами названий академических групп и места проведения занятий. Затем она познакомила меня с режимом движения вузовского автобуса, развозившего в течение учебного времени преподавателей по всем корпусам. Меня приятно удивила манера её общения. Во-первых, её спокойная грамотная речь, четкое и ясное объяснение ситуаций, в которых мне придётся ориентироваться в пределах разных учебных корпусов. Во-вторых, заинтересованность в человеке и явно выраженная готовность оказания помощи. В конце беседы, она напомнила мне, что завтра моё первое занятие состоится на четвёртой паре в четвёртом учебном корпусе, даже указала номер аудитории. В мою бытность плодотворное общение с Елизаветой Николаевной продлилось не долго, поскольку она была уже в возрасте и вскоре ушла на пенсию. Но почему-то осталось ощущение, что с её уходом ушла и какая-то манящая эпоха нашей замечательной Альма-Матер.

На следующий день, отыскав корпус и место проведения занятия, я со звонком и чувством какого-то внутреннего волнения вошёл в аудиторию, в которой подобно пчелиному рою, гудела внушительная по численности группа студентов 3-го курса горного, металлургического, электротехнического факультетов. Это были исключительно юноши моложе меня приблизительно на 2-3 года. Их возраст меня, в принципе, не волновал, потому что опыт трехлетней работы в вечерней школе, где учащиеся были и постарше меня, выработал рефлексную уверенность поведения в этой среде. Не вызывал особенного беспокойства и мой уровень владения языком, хотя мои познания не распространялись на знание языка специальностей. Беспокойство вызывали уровень и возможность проявления эрудиции студентов т.е. произвольно и непроизвольно приобретенных, кроме академических знаний, знания той среды, в которой они уже сформировались. К примеру, несмотря на мои посредственные школьные знания в сибирских деревнях, где мне пришлось работать сразу после окончания школы, меня признавали, хотя и молодым, но знающим учителем. Когда в 1957 году пришло известие о запуске впервые в стране спутника

земли в деревне сразу заговорили, что нужно обратиться к учителю (так называли меня) пусть он толкового и со знанием объяснит смысл данного сообщения. Так сложилось мнение, а оно было и на самом деле, что уровень развития социума Донбасса, в котором я родился и вырос, был явно выше уровня общего развития деревенского социума Сибири. К такому выводу, я пришёл гораздо позже, когда познакомился с учением И.М. Сеченова о человеке, суть поведения которого он рассматривал в органическом триединстве телесного, чувственно-умственного и обязательно среды.

Встреча со студентами происходила следующим образом: в первые мгновения на меня никто не обратил внимания, полагая, что это кто-то из опоздавших товарищей спешит мимо стола к своему месту. Но когда я остановился перед столом и произнёс на всю аудиторию "гутен таг", все притихли. Подспудно чувствуя, что в какой-то момент может произойти неожиданная и неприятная ситуация, я решил сразу завладеть вниманием аудитории, соображая с чего начать. Но тут, вдруг, сидящий в первых рядах студент поднял демонстративно руку, и, заметив, что на него обратили все внимание, громко задал вопрос: "Скажите, пожалуйста, как будет по-немецки "клоп"? Как ни странно, я сразу успокоился. Что-то подсказывало мне, что пойманный студентом момент и содержание вопроса стали сигналом к нормальным отношениям. Пользуясь известным правом преподавателя задать ответный вопрос, я тут же отреагировал: "Но ответьте на мой вопрос Вер зинд Зи унд вас зинд Зи?" Взоры всех обратились к нему, он смущенно молчал. Я тут же обратился с этим вопросом к сидевшему рядом с ним товарищу. Ответа не последовало. По установившейся тишине и какой-то таинственной напряженности многоголосной аудитории (по-видимому, воцарился страх быть спрошенным) я почувствовал, что на этот вопрос вряд ли кто ответит и продолжил развитие ситуации, завязав разговор уже с целью привести его смысл к полезным выводам как для себя, так и для всей группы. Я задал им простой вопрос, без которого не может состояться общение ни в одной сфере общества ни в детстве, ни в школе, ни в ВУЗе, а именно: как вас зовут и кто вы по специальности? К примеру, указывая на себя, я сказал, что меня зовут Геннадий Григорьевич преподаватель немецкого языка, а Вас? Студент, несколько успокоившись и осознав момент ситуации, хотя и не уверенно все же ответил по-немецки, что его зовут Михаил Федоров. Напряжение в группе заметно спало, и я продолжил разговор, поинтересовавшись, почему Михаил задал такой странный вопрос. По логике вещей он мог бы спросить меня как по-немецки будет трёхфазный ток, а тут "клоп". Побуждаемый интересом Михаил поддержал беседу - он

сказал, что я у них четвёртый преподаватель за эти два месяца, но ни один из них не мог ответить. А относительно терминов по специальности мы не можем знать, потому что все четыре года учимся по одному старому учебнику, а литературы на немецком языке по специальности у нас нет. Да и ещё и группа у нас разноспециальная. А по поводу слова клоп, я дал перевод, после чего студент успокоился. Так произошла моя первая встреча со студентами. Федоров Михаил и ещё студент того времени Будишевский Владимир стали в дальнейшем профессорами и зав. кафедрами. Моя дружба с ними продолжалась долгие годы и часто при встречах мы с теплотой вспоминали наши первые занятия в 1962 году.

Эпоха ДПИ 60-х годов переживала уже ушедшее в прошлое, несвойственное для образовательной системы событие, имевшее, однако, важное государственное значение, а именно: оказание трудовой помощи сельскому хозяйству. В многоотраслевых колхозах и совхозах в горячую страду сбора урожая крайне не хватало рабочих рук, и государство обращалось за помощью к учебным заведениям. Как для студентов, так и для преподавателей это было далеко не ординарное событие, связанное, с одной стороны с материальными хлопотами, а с другой с переживаниями встречи с новыми не привычными условиями и обстоятельствами. В первые 2-3 дня сентября на факультетах шла активная организационная и разъяснительная работа. Определялись состав групп и их руководители, обсуждались условия работы на сельскохозяйственных предприятиях в осенний период. В первую очередь речь шла о необходимом и обязательном: одежда, обувь, предметы личного обихода, а потом уже и о желаемом, но не обязательном (радиоприемник, гитара, и т.п.) А утром 4-го числа на площади между вторым общежитием и химическим корпусом студгородка подобно морскому прибою шумела армия студентов, преподавателей, партийных и профсоюзных лидеров и руководителей института. Десятки грузовых автомобилей, оборудованных под перевозку людей с водителями и представителями хозяйств, стояли готовые к отправке. Сотни студентов толпились вокруг щитов, обозначающих факультет, распределяясь уже по группам. Я, как руководитель, получил группу студентов химиков 2-го курса. Кафедра иностранных языков входила тогда в состав химико-технологического факультета. Получив последние указания и напутствия, все двинулись к машинам, где глашатаи объявляли, в какие хозяйства направлялись группы. Найдя свою машину, мы, погрузившись, удобно расположившись, ещё раз проверив наличие студентов в группах, отправились в объявленный нам колхоз. К полудню мы прибыли на место.

Машина подъехала к зданию старой школы. Там нас уже встречало руководство села. После слов приветствия, нас поселили в оборудованные под временное жильё классные комнаты, где были сооружены двухъярусные кровати, на которых лежали набитые соломой матрацы, подушки и одеяла. Нужно отметить, что село ответственно подготовилось к встрече. Разгрузившись и отнеся вещи в комнаты, мы дружно оправились столовую, откуда доносится приятный запах приготовленной пищи. На столе уже стоял готовый комплексный обед: сытный борщ, картофельное пюре с куриным мясом и компот из сухофруктов, приготовленные сельской женщиной, которая должна была выполнять обязанности повара. Нельзя сказать, что меню было разнообразным, но готовила она на протяжении всего нашего пребывания довольно вкусно и сытно. Утром следующего дня приехал на машине бригадир, который ознакомил нас с фронтом работ и распорядком рабочего дня. В основном предстояла работа по уборке помидор, иногда убирали бахчу, а ребята, по согласию, выполняли земляные работы для заготовки на зиму силоса. Позавтракав, мы выехали на помидорное поле. Оно было настолько широким, казалось, что ему не было ни конца, ни края. Подъехав к месту, где находилась куча ящиков, возле которых собрались на поле пять-шесть женщин. Установили режим семичасового рабочего дня, а именно: с 9 утра до 13-и дня, потом час перерыва на обед и с 14 до 17 часов. После приводили себя в порядок. Ребята, соорудили что-то вроде душа, куда подвозили воду. В 18 часов ужин и затем свободное время.

Первые два дня никаких нареканий в адрес студентов не поступало. Но на третий день, бригадир, придя с проверкой дел в нашем хозяйстве, выразил недовольство работой. К тому же женщины из колхоза, работавшие рядом также выразили недовольство по поводу поведения на поле и результатов сбора. Говоря простым языком, работали ни шатко - ни валко, а ящики с помидорами приносили к месту складирования полупустыми.

Проведя утреннюю планерку и откровенный разговор со студентами, пришли к неутешительному выводу: наш труд не оправдывал стоимости питания и несмотря на то что мы приехали не на заработки, а для оказания помощи, все же любая помощь, а тем более в таких условиях должна была себя оправдывать. Чтобы стимулировать однообразный монотонный труд студентов, договорились об его оплате в виде студенческого трудодня, стоимость которого определили в 1 рубль 70копеек (в 1961 году в стране была проведена демонетизация денег). И поскольку, объём работы и её характер поддавались нормированию, учитывая уже двухдневный опыт работы на поле, посчитали, что дневная норма 100 кг вполне выполнима.

Согласно бухгалтерским расчетам 80 копеек шли на питание, а остальные деньги откладывались в счёт зарплаты. Другие же работы такие как: сбор бахчи, погрузка и разгрузка, земляные работы оплачивались по договорённости. Бригадир выделил учетчицу по приемке и взвешиванию собранных овощей. Каждый студент завёл себе ведомость. Мне как руководителю определили 5% от суммы заработка всей группы по окончанию работ. Тут же ребята высказали пожелания изменить режим работы. При выполнении нормы, работать 9 до 14 часов. Я дал согласие, но при условии проверки на своём опыте посильности выполнения нормы. Вместе со студентами, я вышел на работу и к 14 часом собрал 110кг, ребята собрали даже больше, а девушки почти вписались в норму. Работа ладилась. Условия последних лет работы со студентами в других хозяйствах менялись по устройству быта, по характеру работ и взаимоотношений с руководством. Но именно здесь, я впервые осознал смысл и значение слов «социализм – это, прежде всего учёт» и «от каждого по способности и каждому по труду». В свободное от работы время я старался быть рядом со студентами: организовывали выпуск стенгазеты, устраивали вечера поэзии, пели песни. Не зная почему, я получил среди студентов прозвище «Бурбон».

В целом пребыванием студентов в селе все были довольны. Руководство колхоза написало в адрес института благодарственное письмо и выдало грамоту. А бухгалтерия начислила 860 рублей зарплаты. В начале октября мы отправились домой. Колхозная эпопея завершилась ещё одним приятным для меня событием. В группе были две подруги, активно помогавшие мне в колхозе. Одна из них проживала на квартире своего дяди, зав. кафедрой проф. Кузнецова М.Д. Пару дней спустя после приезда из колхоза, она, по-видимому, с согласия и одобрения его, пригласила меня и свою подругу в гости. В центре зала просторной квартиры стоял со вкусом сервированный стол. После знакомства завязалась оживлённая беседа. В основном говорили о времени, проведенном в колхозе, об организации досуга. В какой-то момент хозяин взял со стены висевшую гитару и исполнил несколько старинных романсов, а когда вопрос коснулся танцев, он встал из-за стола и так отбивал чечетку, что она была под стать исполнению профессиональному артисту. Эта встреча произвела сильное впечатление. У меня поменялось ранее сложившееся представление о профессоре как о личности, совершенство которого невозможно было достичь.

Пребывание кафедры иностранных языков на химико-технологическом факультете оказало на меня благотворное влияние.

Активная работа профоргом кафедры, похвальная оценка руководства студентами на с/х работах послужили тому, что в 1964 году я был избран председателем профкома факультета. Это давало возможность более широко познакомиться с коллективом не только своего факультета, но и с представителями других факультетов. Особое уважение вызывала профессура. Старшее поколение учёных оказывало приятное воздействие особой манерой поведения, унаследованное, по-видимому, воспитанием в далёком прошлом. Оно проявлялось во всех поступках учебной, научной и общественной сферах. Вот один из примеров. Зайдя как-то после занятий на кафедру, я увидел сидящего в ожидании профессора Ярым Агеева. Лаборант Елизавета Николаевна бросила в мой адрес фразу о том, что Николай Лукьянович уже более получаса ожидает меня, чтобы поставить подпись на заявлении о выделении ему курортной путёвки. На предложение оставить до моего прихода заявления на кафедре, он вежливо заметил, что это неправильно. Я должен лично убедиться в подлинности подписи на документе".

Со всеми коллегами на факультете у меня складывались добрые, а порой даже близкие отношения. По-моему мнению это в какой-то мере способствовали сути и содержанию гуманитарных и естественно-научных дисциплин, таких как физика и химия их роль в образовательном процессе. Оказалось, например, один из первых деканов Ожерельев Д.И. работал над докторской диссертацией по педагогике на тему "Общие основы преподавания химии в ВУЗе", где мы обсуждали некоторые положения этой науки. Секретарь парторганизации факультета доц. Эйдельман Е.Я. упорно убеждал меня в том, что руководитель проф. организации факультета должен быть обязательно членом партии и постоянно курировал меня на всем пути в её вступления. С деканом Коробчанским В.И. мы решали вопросы связанные с сельхоз работами. С последующим деканом доц. Масляевым В.С. решали ваковские проблемы присвоения учёного звания профессора. Но в силу его жёсткого характера ему не удалось получить это звание. С доцентом Семыкиным В.С., который, кстати, сочинил текст гимна ДПИ, мы готовили и лично участвовали в культурно-массовых мероприятиях, как в институте, так и за его пределами. Длительная дружба связывала меня с зав. кафедрой общей химии проф. Приседским В.В. О его эрудиции можно было судить по превосходному владению своей наукой и смежных с нею науками, длительному пребыванию в Англии с целью проведения исследований, признанием его соответствующими международными органами человеком года. К тому же он был мастером публичных выступлений, где обладал

талантом сухой язык науки облачить в красивые формы художественного литературного языка.

Профессор Приседский В.В.

Были близки по духу и отношениям к педагогике в техническом образовании преподаватели естественнонаучных и некоторых других дисциплин. Случалось посещать лекции и общаться с коллегами кафедры физики, особенно когда при прохождении по конкурсу на переизбрание в характеристике отмечались педагогические достоинства конкурсанта. Впечатляюще вел лекции ст. преподаватель Шерстяк Б.Н. Он не пользовался печатным текстом, а в стиле оратора воздействовал на студентов, общаясь по ходу лекции почти с каждым из них. Преподаватель Логвинова Е. вела исследования учебного процесса и защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Владела красноречием и привлекала собравшихся своими публичными выступлениями доц. Мачикина И.Ю., занимаясь организацией и проведением учебно-педагогического процесса на курсах повышения квалификации кадров после ВУЗовского образования доц. Волков А.Ф., ст. преподаватель Лумпиева А.П. разработали и издали учебник по физике, положив в основу принципы дидактики. Впервые ст. преподаватель Товстуха В.С. серьезно занимался внедрением вычислительной техники в курс физики и нахождения её места в учебных программах.

На базе ДПИ прошёл путь от соискателя до доктора педагогических наук, профессора начальник военной кафедры полковник Стефаненко П.В., которому в 2006 году было присвоено звание заслуженного работника образования.

Профессор Стефаненко П.В.

Все это свидетельствовало о том, что педагогика и методика, воспринимаемая большинством технической интеллигенции, как общеизвестные взгляды на учебный процесс, явно приобрела в техническом ВУЗе место научно-теоретического и практического исследования.

В период усиленного влияния технократизации как идеологического духа во всей системе учебно-образовательного заведения были организованы курсы повышения квалификации по педагогике и психологии высшей школы. Появились даже мысли о сдаче кандидатского экзамена по этим дисциплинам тем соискателям и аспирантам, которым было суждено идти на преподавательскую работу. По-моему мнению эта идея в будущем будет осуществлена, когда широкое распространение искусственного интеллекта и всякого рода технологий, пока ещё играющих положительную роль в обществе, превысят пределы человеческого естества. Уже даже тогда возникла необходимость создания гуманитарных советов в технических ВУЗах.

Такой совет был создан и в ДПИ, руководство которым ректорат доверил мне. В него вошли известные профессора различных кафедр: Никольский И.Л., Гольцов В.А., Фельдман Л.П., Сапицкий К.Ф., Рогозин Г.Г., Панов Б.С., зав. кафедрой философии Алексеева Л.А., зав. кафедрой физвоспитания Атаманов А.Д, заведующие других гуманитарных кафедр, а также начальник учебной части Грознер Л.А., в прошлом полковник военной кафедры, занимавшийся в ней организацией учебного процесса.

Слева направо: зав. кафедрой немецкого языка Левченко Г.Г., проректор Маценко В.Н., нач. учебной части Грознер Л.А.

Леонид Александрович был особой фигурой в совете, глубоко вникавший в его учебно-педагогическое предназначение. Его первым шагом было представление составу совета полной картины структуры института и места в ней гуманитарного потенциала. Он посещал другие технические ВУЗы, участвовал в крупных конференциях, посвящённых гуманитаризации технического образования, знакомя членов совета со многими интересными её организационными формами. Всегда отстаивал неприкосновенность 25% объёма учебной нагрузки, отводимой на гуманитарные дисциплины, обосновывая

распределение квот на кафедры, что давало возможность рационально планировать и совершенствовать учебный процесс. По рекомендации Леонида Александровича были собраны программы всех дисциплин и заслушивались сообщения о реализации гуманистических идей,

содержащихся в печатных источниках и в живом их преподавании. Следуя примеру Днепропетровского горного института, по инициативе Леонида Александровича было принято решение о выпуске гуманитарного вестника, но это решение не было осуществлено. В то же время чувствовалось, что большинство технической интеллигенции мало было заинтересовано в деятельности гуманитарного совета, и он постепенно терял свое значение, незаметно прекратив своё существование.

Многое унаследовал от него следующий начальник учебной части Сулима А.А. К тому же он неплохо владел немецким языком. И когда по программе обмена группа преподавателей с их женами отправились на отдых в Германию, он с охотой взял на себя функции переводчика и гида, в то время как прибывшая на отдых в Ялту немецкая группа преподавателей потребовала специального переводчика.

В общую ткань сути образования, в том числе и высшего, органично вплетены такие формы становления человека как воспитание и просвещение, которые позволяют выйти за пределы узкого понимания «гомо сапиенс» как существа разумного. Но этот факт воспринимается, как очевидная истина, не требующего специального рассмотрения. В технических ВУЗах принято считать, что их функции и задачи лежат на гуманитарных и общественных дисциплинах. Однако их объём, и предметное содержание ограничены нормами аудиторного времени, и как показывает жизнь, значительно сужают их потенциал. Это обстоятельство во многом и оправдывает порождение многообразия вне учебных форм вузовского бытия, таких как: кружки, общества, лектории, школы, институты, клубы, музеи.

Отличался новизной и оригинальностью так названный в ДПИ "Клуб семи", созданный по инициативе проф. Клименко Валентина Митрофановича, известного учёного в области металлургии, зав. кафедрой и, конечно, профессора в полном смысле этого слова. Воспитанный в духе классического прошлого, он положил в основу организации клуба, возникшие в Древней Греции и Древнем Риме в качестве образовательных дисциплин семь свободных искусств. Считался высоко образованный человек тот, кто в совершенстве владел этими искусствами. Одним из первых в него входили: проф. Клименко В.М., проф. Никольский И. Л., зав кафедрой физвоспитания Атаманов В.Д., декан заочного отделения Булавкин И.И., зав. кафедрой философии Алексеева Л.А., зав. кафедрой Сопицкий К.Ф., зав. кафедрой Левченко Г.Г., доц. кафедры физики Мачикина И.Ю.

Естественно, что со временем в клубе проходили и ротация и пополнения. В него пришли и творчески проявили себя проф. Павлыш В.Н., проф. Мирный В.В., проф. Калиниченко О.И., зав. музеем Ковалева Л. Смысл деятельности клуба заключался во взаимном обогащении самих участников и иногда приглашались студенты. По меткому выражению А.С. Пушкина, члены клуба выступали в роли "почтовых лошадей просвещения". Тематика обсуждений предлагалась самими членами клуба.

Зав. кафедрой Левченко Г.Г. и зав. кафедрой
Сопицкий К.Ф. на заседании клуба

Так, например, Атаматов В.Д. предложил на обсуждение тему гуманистические воззрения деятелей эпохи Возрождения (Рабле, Данте, Э. Роттердамский, Томас Мор). Обсуждали тему многогранного влияния на образование М.В. Ломоносова, как великого учёного, поэта, лингвиста, создателя русской риторики. Вместе со студентами был проведён экскурс творчества А.С. Пушкина с постановкой на сцене

некоторых эпизодов из жизни героев его произведений. С интересом прошли сцены из "Евгений Онегин", где арию Ленского прекрасно исполнил доц. Булавкин И.И., которому когда то выпал случай бывать на сцене Венской оперы.

Обсуждению тем историко-культурного наследия, несущего в себе суть просвещения и воспитания, придавало идейно-философский характер участие е в дискуссиях зав. кафедрой философии Алексеевой Л.А. Создавалось впечатление, что она специально готовилась к каждой теме, обосновывая причины возникновения и реальности существования событий и явлений с философской точки зрения. К примеру, появление эпохи Возрождения она обосновывала, опираясь на философию Сократа "О добродетели", в основе которой философ признавал познание. При обсуждении форм обучения образовательных систем как прошлого так и настоящего и их практическую неизменность (лекция, практические занятия)она аргументировано ссылалась на философские теории познания Платона (от общего к частному) и Аристотеля (от частного к общему), выводя из них возникновение дедуктивного и индуктивного методов, как главных методов научно- теоретического исследования и исследований практической педагогики, В дальнейшем работу клуба возглавляли проф.

Сапицкий К.Ф. и Мирный В.В., Полагаю, что к юбилейной дате клуб сохранил своё существование.

Функции просвещения, хотя и в другой форме выполнял институт культуры, деятельность которого известна своими связями далеко за пределами ВУЗа. Он отличался от других форм широким охватом масс вузовской и городской публики. Большинство числа слушателей привлекали лекции проф. Левченко Г.Г., Павлыша В.Н, Приседского В.В. Намечались также формы открытого общения как публичного диалога с известными людьми нашего ВУЗа. Возникшие задумки обсуждались с талантливым организатором работы института доц. Джурой СГ., который душой и телом был предан институту.

Поистине просветительскую работу выполнял музей, в котором собраны и представлены достижения науки и техники ВУЗа, как результат творчества многих поколений на 100-летнем пути от горного техникума до современного технического университета. О многосторонней деятельности музея можно судить о постоянном проведении мероприятий, связанных с распространением знаний мировой культуры: тематические выставки, экскурсии в жизнь и творчество известнейших писателей, поэтов, композиторов, музыкантов, деятелей науки и техники, встречи с интересными людьми города. Здесь можно было увидеть и выступающих руководителей ВУЗа: ректора Минаева А., проректоров Костенко В.И., Зборщика М.П., Троянского А.А., Навки И.П.

*В музее: проректор Зборщик М.П., зав. кафедрой
Левченко Г.Г., проректор Костенко В. И.*

Главную,
требующую
постоянного
присутствия
работу,
осуществляла
неутомимая
директор музея
Ковалева Л.

Трудно
представить
историю

института без роли профсоюзной организации, членами которой было охвачено все вузовское сообщество, от студентов до обслуживающего персонала. Не проходило и дня, чтобы вокруг профкомов не толпились люди,

приходившие с просьбами, запросами, разрешением споров. Решая вопросы частного порядка, профком сталкивался с проблемами крупного социального масштаба. Чего только стоило поистине "великое расселение" большого количества семей преподавателей и сотрудников, проживавших в общежитиях. Члены профкома и их председатель проф. Чебаненко К.И. упорно и до конца отстаивали достойное жильё по всему городу. И проблема эта была решена полностью.

Чебаненко К.И.

В сферу деятельности профкома входила забота о детях работников института. Наряду с предоставленным материальным обеспечением занятости детей следует отметить явно выраженную воспитательную работу, именно в вузовской среде. Нельзя обойти вниманием ведущую роль личности воспитателя, которая выделялась на фоне других, причастных к этой сфере. Такую роль "матери Терезы" по общему признанию взяла на себя химик по образованию, в прошлом выпускница ДПИ Каплан Светлана Аркадиевна. Не имея ни семьи, ни детей, она всю себя отдавала детям. Казалось, что институт был для неё родным домом. Ежедневно можно было увидеть её и в профкоме, у проректоров, у деканов во всех корпусах. Она постоянно собирала детей и проводила мероприятия на всем вузовском пространстве, начиная от помещений в институте, до баз отдыха в Святогорске и Ялте.

Удивляет постоянная привязанность Светланы Аркадиевны к детям вплоть до их взросления. Многие из них поступили в институт, и, окончив его, стали преподавателями, а некоторые, защитив диссертации даже зав. кафедрами и деканами. Светлана Аркадиевна тесно дружила с родителями детей, и их часто можно было видеть вне учебы и домашнего обихода. Но случались и события, выходившие за рамки спокойного и размеренного ритма жизни. Так, в самом начале 90-х годов в рамках договора с Германией было организовано несколько поездок детей на отдых в замечательный детский лагерь МВТШ, расположенный в местечке Лобург, недалеко от Магдебурга. Особенно запомнилась первая поездка. Провожавшие на перроне своих детей родители 22-х мальчиков и девочек, в возрасте от 8 до 13 лет, вручали с чувством тревоги своих детей в наши со Светланой Аркадиевной руки. Как показали дальнейшие события, их переживания были не напрасны. Путь по маршруту Донецк-Киев-Перемышль был относительно

спокойным. В Перемышле нас уже ожидали и на комфортабельном автобусе через Польшу доставили в расположение лагеря. Там нас встретили доброжелательно. Нет необходимости подробно описывать условия отдыха. Они были просто превосходны. Наши дети быстро подружились с немецкими детьми и проводили время с утра до вечера за играми. Запомнился проведенный по нашей инициативе, вечер знания Германии, который был организован в виде конкурса. Вопросы немецких ребят я переводил на русский и наоборот, вопросы наших детей – на немецкий. Удивительным было то, что немецкие дети не могли ответить на такие вопросы: «Кто такая Екатерина Великая?», «Каково её происхождение?», но зато наши ребята называли даже её немецкое имя: София – Фредерика – Августа. Оказалось, что им было ничего не известно о бароне Мюнхгаузене и его историях. После этого вечера нам организовали поездку в небольшой городок Цербст на родину Екатерины, а затем в поместье барона Мюнхгаузена.

После окончания отдыха нас ожидал нелегкий путь домой. Тем же автобусом мы были доставлены в Перемышль, где сопровождавшие нас немецкие коллеги, попрощавшись, отправились обратно, оставив нас наедине с неизвестностью. То было время возникновения беспорядков на границе, где царил хаос в движении поездов. Некоторые надолго задерживались, о других, вообще ничего не было известно. Массы людей: немцев, поляков, украинцев, русских с мешками, с чемоданами и другими вещами толпами сновали по привокзальной площади, а перрон был огражден железной решеткой. Я нашел какого-то дежурного и попросил его пропустить нашу группу на перрон. Однако, когда объявили о прибытии поезда, остановить ринувшуюся на перрон массу людей было невозможно. Она буквально разрывала вся и всех на своем пути в поисках вагонов. Ситуация усугублялась еще и тем, что поезд стоял 5 минут. С одной стороны трудно было найти свой вагон, а с другой о перекличке детей не могло быть и речи. Мысль о том, что кто-то мог затеряться в неуправляемой толпе и отстать от группы, приводила в ужас. Было решено, что если вдруг что-то произойдет, Светлана Аркадиевна с группой отправляется домой, а я остаюсь для решения всех проблем. Осознавая опасность, дети настолько цепко держались друг за друга, что все обошлось благополучно.

Поезд с большим опозданием прибыл в Киев, где уже сутки не спавшие, их встречали родители.

Среди знаменательных событий были и такие, которые надолго остались в памяти целых поколений ДПИшников. Одним из них является строительство спортивно-оздоровительного лагеря и пансионата под емким и ставшем для многих именем нарицательным «Буревестник».

Финансовая и материальная мощь ДПИ того времени позволяла создавать крупные дорогостоящие объекты, как учебного, так и социального назначения. Площадь 5 га на побережье Азовского моря у посёлка Ялта была вполне под стать масштабам и потребностям института. Активное освоение территорий, начавшееся в 1963 году, за небольшой срок позволило превратить пустынное пространство в крупный объект отдыха, соответствующий уровню развитой тогдашней социальной среды. Очень удачно была спланирована застройка территории. Студенческие домики с разделёнными верандами и двухместные комнаты, вместительная столовая, медпункт, душевые, туалеты и другие подсобные строения. Они располагались по периметру границ лагеря, а центр был отдан под спортивную и культурно-массовую жизнь. В строительстве и устройстве лагеря активное участие принимали студенты и преподаватели кафедры физвоспитания и спорта. Особую роль в этом широком предпринимательстве играла личность ст. преподавателя кафедры Бородицкого Всеволода Яковлевича, связавшего всю свою жизнь с кафедрой ещё с довоенного времени. Несмотря на некоторые недостатки в его характере, связанные постоянным стремлением к лидерству, он как никто иной обладал талантом строителя и менеджера, решавший многие вопросы и проблемы материального и другого обеспечения за пределами ВУЗа. Коснувшись этого факта, следует в какой-то мере раскрыть роль кафедры физвоспитания в истории ВУЗа. Расцвет кафедры и её наивысшие достижения попадают на время руководство ею Атамановым Владимиром Дмитриевичем. В спорте он заслуживал почести и уважение. Он был разносторонним спортсменом довольно высокого класса. Даже в шахматах он был трехкратным чемпионом Донецкой области, играя в своё время на равных в компании В. Корчнова и Ю. Коца.

Атаманов В.Д.

Его профессионализм подтверждал тот факт, что он дважды был арбитром олимпийских игр. За подготовку спортсменов высокого качества ему были присвоены звания заслуженного тренера Украины (1971 год), заслуженного работника физкультуры и спорта Украины (2005 год). Он был постоянным членом советов в спорткомитетах самого высокого представительства.

Мое знакомство с Атамановым произошло в 1962 году при интересных обстоятельствах. На второе утро, после поселения в общежитие, я выглянув в окно третьего этажа, был поражен картиной происходящего. Пространство, где сейчас находятся плавательный бассейн, столовая, кафе, спортивный манеж, представляло собой мозаику массы движущихся спортивно одетых людей. Это было занятие по физкультуре. Гимнасты, акробаты, волейболисты, футболисты, легкоатлеты давали представление о величии спорта в ДПИ. Через закругление на первом этаже я вышел во двор и сразу столкнулся с легкоатлетами, прыгавшими в высоту под руководством высокого и стройного преподавателя. Это был Владимир Дмитриевич Атаманов.

Представившись, я в недавней юности занимавшийся лёгкой атлетикой и побуждаемый интересом, попросил разрешения прыгнуть. Планка стояла на высоте 1 метр 30 сантиметров. По моей просьбе установили высоту 1,5 метра. Закатив штанины спортивных брюк, я взял высоту. Поставив меня в пример студентам, Владимир Дмитриевич в дружеском тоне завязал беседу. С этого момента дружба между нами длилась более 50-ти лет.

Атаманов формировал кафедру из немногих на то время тренеров, а также, из молодёжи, достигших в спорте высоких результатов. В составе кафедры преподавателей ниже звания мастера спорта почти не было. Многие из них имели в стране заслуги. Это были и члены сборных команд союза, республик, заслуженные тренеры Украины, мастера спорта международного класса, чемпионы мира и Украины, судьи высших категорий. Так, например, ст. преподаватель Шевченко И.А. пришёл на кафедру из сборной Советского Союза по спортивной гимнастике, где он выступал на помостах и дружил с известными чемпионами мира и Олимпийских игр Титовым и Шахлиным. Турчин А.П. играл за молодежную сборную Украины по баскетболу. Удовиченко Ю.К. был в сборной Украины по велоспорту. Вместе с

Атамановым, судили Олимпийские игры ст. преподаватель Шостак М.А. и Высочин В.П. С их приходом на кафедре усилился заметно спорт. За воспитание чемпионов и призеров многим было присвоено звание доцента. Блехерман А.М., Розенфельд Я.Р., супруги Алексееву В.Ф. и Л.И. воспитали чемпионов Украины Союза и мира. Наши студенты первенствовали на всех межвузовских соревнованиях. Среди немногих, а может быть и единственная, за заслуги кафедра была награждена грамотой Верховного Совета СССР. Вполне естественно, что в истории лагеря, о которой ранее шла речь, преподаватели играли немаловажную роль. Особую роль в об устройстве лагеря играл, в последствий ставший его постоянным «службой», ст. преподаватель Ю.Ф. Шелехов. Он создал настоящее радиовещание и фотостудию, которые сопровождали и фиксировали всю жизнь лагеря. С его участием лагерь был украшен красивыми стендами, изображавшими все виды спорта. Они сразу привлекали внимание всех посещавших лагерь. С самого начала лагерь приобрёл добрую славу и широкую известность среди баз отдыха, тем, что в нем гармонично сочетались спортивная, оздоровительная и культурная жизнь, пронизанная духом коллективизма.

Признание гармонии было достигнуто за счёт продуманного планирования содержания оздоровительно-спортивного отдыха молодёжи в уже созданной материальной среде. Вот её внешняя характеристика: общая численность студентов в смену составляла приблизительно 120 человек. Вначале было принято решение проводить отдых в 2 смены по 48 дней. Вскоре стало заметно, что такой срок оказался для студентов утомительным. Они стали тяготеть под грузом, оказавшейся для них слишком долгой активности. Тогда было найдено более рациональное решение: организовать 3-х сменный отдых с большим охватом людей. Все студенты были распределены по отрядам, которые проживали в 2-х местных комнатах домиков, условно разделенных блоком с открытыми верандами, девушки с одной стороны, ребята с другой. Такая организация намного облегчала выполнять свои функции руководителям отрядов, преподавателям кафедры физвоспитания. В общей массе в лагере отдыхали и спортсмены - члены сборных команд, тренировавшиеся по своим особым программам. По линии обмена студентами в лагерь приезжали на отдых группы из Москвы, Ленинграда, Риги, Львова, Германии. И все это многообразие нужно было привести к какому-то общему знаменателю. Таким знаменателем были соблюдение дисциплины и распорядка обязательные для всех в условиях открытого пространства, отличавшегося от виртуального мира, порожденного урбанизацией города. В основу раскрытия творческого

потенциала были взяты природой заложенные в человеке соревновательность и потребность самовыражения, которые нуждались в организации и внешней реализации. На это были направлены опыт и усилия преподавателей физвоспитания, упомянутой ранее кафедры.

Распорядок был спланирован так, чтобы отдых представлял собой сочетание и чередование полезных и приятных занятий, которые находили бы одобрение у внешнего окружения и доставляли удовлетворение самим отдыхающим. Это расписание выглядело так: 7 часов утра из громкоговорителя раздается сигнал и бодрый голос диктора, объявляющего подъем и построение на зарядку. Через 10 минут все пространство заполняется разноцветием спортивных одежд студентов и под руководством мастера спорта по гимнастике Шумяцкой Л.И. в музыкальном ритме приходило в движение, создавая картину волн, набегающих на морское побережье. Зрелище впечатляло. К зарядке присоединялись отдыхающие в пансионате преподаватели с их семьями. Затем шёл трудовой час по уборке лагеря, территория которого была распределена и закреплена за отрядами. Наблюдение со стороны людей, занятых полезным трудом, производило очень приятное впечатление. Регулярная уборка территории была обусловлена тем, что вечерняя жизнь лагеря собирала большое количество гостей, отдыхающих вокруг и поселковую молодежь, которые оставляли после себя много мусора. Сложившиеся обстоятельства вызвали, конечно, нежелание заниматься уборкой. Пришлось провести доверительную беседу, в ходе которой выявился помимо прочего интересный факт. Оказалось, что в принципе, студенты были и не против уборки, мотивируя это стремлением показать свои таланты и способности как можно большей массе людей, способствуя этим широкому распространению славы "Буревестника". Кто-то даже бросил вслух фразу "любишь кататься, люби и саночки возить".

Знаменательным событием в лагере, было его торжественное открытие общим построением студентов в самых нарядных одеждах. Обходя ряды, стройно выстроившихся ребят и девушек, лучшие представители отрядов под звуки марша водружали на высокую мачту широкое полотнище флага с изображением гордо реющего над морем буревестника, возвещающего начало полноценной жизни лагеря. Этот ритуал повторялся в каждой смене.

Все дообеденное время отдавалось морю, а после обеденного отдыха на всех площадках кипела спортивная жизнь. Проводились спартакиады и первенства с награждением победителей.

Подавляющее большинство вечеров было посвящено проведению культурно-массовых мероприятий. Концерты, встречи с уважаемыми гостями, интеллектуальные игры (КВН, «Что? Где? Когда?», «Поле чудес» и т.п.). Популярными были литературные вечера и концерты. К тому же вначале в лагере был свой эстрадный оркестр, которого приглашали на выступления в клубы и дома культуры окружающих лагерь сел.

Один из вечеров, посвящённый творчеству А.С. Пушкина подготовили спортсмены сборной команды по лёгкой атлетике. Украсив сцену лично нарисованными портретами, героев романа "Евгений Онегин", они сыграли несколько фрагментов из жизни героев. Присутствующий на вечере тренер зав. кафедрой Атаманов В.Д., публично поблагодарил их за выступление, сказал, что никогда не мог подумать, что его спортсмены обладают такими прекрасными способностями. Особой известностью пользовались концерты. Когда за пределами лагеря проходил слух о том, что в Буревестника состоится концерт, лагерь наполнялся таким количеством людей, которых он уже не мог вместить. Запомнился случай, когда на одном из концертов, студент Тарас (фамилии не помню) исполнил песню Ю. Лозы "Плот", которая покорила всю присутствующую публику. Уже с первых аккордов гитары, прозвучавшие красиво и к чему-то зовущих, все замерло. Утих ветер, совсем не было слышно даже дрожания листьев, стройно стоящих высоко выросших тополей. На какой-то миг охватило видение будто бы все

присутствующие на широком лагерном плато, под звездным небом, медленно уплывали в неизвестную манящую даль моря. Песня стала для лагеря знаковой и часто на концертах публика требовала Тараса.

Но самым зрелищным было празднование на пляже дня Нептуна. В этот день побережье отдыхающих, насколько хватало глаз, было охвачено эйфорией. Накануне, практически весь лагерь, в том числе и пансионат, готовились к представлению. Девушки из водорослей, лозы и других подручных материалов, готовили экзотические одежды русалок, борцы и тяжелоатлеты репетировали сцены своих предстоящих состязаний. За косой прятали лодки, задействованы были даже дети, которые вместе со взрослыми готовили "нечистую силу", приводили в порядок громкоговорящую музыкальную аппаратуру.

К 10 часам утра следующего дня весь реквизит был уже на пляже. Со стороны моря на лодках приплывали Нептун со своей многочисленной свитой. Собравшиеся на центральном побережье Ялты, "нечистая сила" двигалась вдоль побережья, увлекая за собой, массу отдыхающих.

Встреча Нептуна была торжественной. После стихотворного речитатива, хвалебного в адрес Нептуна, он заявил о цели своего посещения лагеря. Нептун, услышав о славе «Буревестника», как могучей оздоровительной спортивной, богатой культурной державы в его владениях,

прибыл проверить достоверность этой славы. По его повелению начались представления. Грациозные девушки исполнили полoweцкие танцы, богатыри соревновались в борьбе и поднятии тяжестей, декламировали стихи о море, пели куплеты из песен о море. Было все красиво и увлекательно. В заключительной части, Нептун обратился к свите с повелением наказывать притеснителей студентов лагеря, купанием в море. Настроение на пляже перешло из минорного в мажорное. Первыми приняли купель руководители лагеря, начальник и его заместитель. С мужской половиной слуги Нептуна обходились можно сказать бесцеремонно. С женской – более аккуратно. Наказали медработников за строгое соблюдение санитарных норм, работников столовой за однообразие на столе десертных блюд. Дело дошло до преподавателей, отдыхающих в пансионате. В публике произошло некоторое беспокойство. На всякий случай я договорился со ст. преподавателями кафедр ТММ и сопротивления материалов Мешковым В.А. и Титовым Л.А., чтобы они дали согласие на купание. Они стояли под тентом неподалёку от места купания. Эти кафедры отличались особой требовательностью к знанию студентов. Касательно кафедр ТММ существовал даже студенческий афоризм "тут моя могила". Конечно, им было уделено особое внимание. Публика тешилась этим зрелищем, но потихоньку из её рядов исчезал кое-кто, на которого могло быть обращено внимание. Подойдя к машине переодеться после купания, я встретился с проректором Жедановым С.А., пришедшим понаблюдать происходящее диво. И вдруг из толпы кто-то крикнул, что здесь находится проректор и слуги Нептуна ринулись искать его. Чувствуя, что может произойти крайне неординарное, я попросил Сергея Андреевича сесть в кабину автомобиля и опустить занавески. Не найдя его все успокоились. Представление завершилось мирным отплытием Нептуна в свои владения.

Случались в лагере и эпизоды курьезного характера, привлекавшие своей необычностью, порой забавные, а порой даже вызывающие тревожные волнения. Вот один из них: группа студентов из Германии, проведя прекрасно отдых в лагере, собралась к отправке на родину. За час до отъезда прибыл автобус. Пока водитель обедал в столовой, студенты грузили свои вещи. При проверке состава группы, обнаружилось отсутствие одного студента. В тревоге бросились на его поиски по всей территории лагеря. Несколько ребят даже побежали на пляж. Время шло неумолимо, а студента не было. Уже не знали, что делать, дальше оставаться было невозможно и уехать без него, было нельзя. Тогда я решил обратиться к этому студенту по лагерному громкоговорителю. Включив микрофон, повысив напряжение в

голосе, я произнёс: «Ахтунг! Ахтунг! "В лагере все замерло, и вслед за этим объявил серьезность ситуации, грозящей ему и группе. Через несколько минут из кустов лагерной рощи студент с нашей девушкой явился к группе и заявил, что они полюбили друг друга, и он сейчас не поедет. Беседа закончилась тем, что они договорились до следующей встречи писать друг другу и общаться по телефону.

Другая забавная ситуация произошла во время игры "поле чудес". В игре участвовали эрудиты из отрядов и преподаватели пансионата. Все происходило в центре лагеря, при огромном скоплении зрителей. На культмассовую работу институт выделял энное количество денег, для закупки призов и памятных подарков. На этот раз решили, в качестве главного приза, купить большой 8-ми кг арбуз. Мои коллеги, руководители отряда, уж очень просили меня не дать выиграть этот приз, чтобы после всем вместе полакомиться им. По ходу игры было видно, что эрудиция преподавателей превосходила эрудицию студентов. Один из преподавателей доц. кафедры экономики прошёл относительно легко все туры и уверенно вышел в финал. Финальное задание из трёх букв гласило: как называлась в старину «кромешная тьма», которая наступала в результате сильных снежных и песчаных бурь. Воцарилась минута молчания. Молчал, раздумывая финалист, не было даже слышно шепота в публике. По истечению минуты, он попросил открыть хотя бы одну букву, по возможности гласную. Я согласился при условии, что он назовет слово сразу. Была открыта в слове последняя буква "а". Молчание продолжалось, и я попросил публику назвать это слово. Удивительно, тишина не была нарушена. Тогда я небольшим комментарием решил вызвать подсказку, сообщив, что слово ушло далеко в прошлое, но во фразе оно употребляется по сей день. И звучит эта фраза так: "не видно ни...". И тут хором прозвучало "зги". Это были слова зрителей. Финалист получил в качестве поощрения трехцветную ручку и блокнот, а арбуз, на радость, остался у нас.

В первые годы, после открытия лагеря, его состояние и работу проверяли многие комиссии. Но главной комиссией была министерская из Москвы. Она проводилась как смотр-конкурс оздоровительных лагерей студентов в стране. Проверка Буревестника затянулась на два дня. Проверяющие просыпались рано утром и в течение дня наблюдали за жизнью лагеря, полностью фиксируя все происходящее. Затем, собирали всех студентов и руководство лагеря, объявляя благодарность, присуждая первое место. Лагерь два года подряд занимал это место.

С самого начала работы в институте, мне приходилось иметь дела, практически, со всеми проректорами, с каждым из которых складывались своеобразные отношения. Они зависели от их характеров и, возникающих разных условий и обстоятельств.

Первым из них был проректор Симонов Павел Лаврентьевич, единственный, у которого я побывал в доме в качестве переводчика проректора МВТШ, которого Симонов П.Л. пригласил в гости. Это было знакомство двух интеллигентных людей, риторика которых соответствовала их статусу. Хотя встреча с Павлом Лаврентьевичем была единственной, она запомнилась мне первичность знакомства с проректором. Частое общение с проректором Жедановым Сергеем Андреевичем позволило мне глубже познать черты его характера. Прежде всего, в нем ярко проявились корректность, благородство и уважение к окружающим. Мне приходилось вместе с ним встречать и сопровождать немецкие делегации. Посещая как-то крупное многоотраслевое сельское хозяйство, он заметил, что я не совсем чётко переводил в отдельных ситуациях, когда перевод был насыщен специальной терминологией. Сергей Андреевич прекрасно понимал, что ни один переводчик, если он специально не подготовлен, не мог знать все богатство языка данной отрасли, поэтому он не упрекал, а наоборот, всем своим поведением поддерживал меня. Перед моим назначением в 1975 году заведующим кафедрой, он несколько раз приглашал меня к себе в кабинет и давал ценные советы относительно поведения при обсуждении кандидатуры на ректорате. Жеданов С.А. был настолько начитан, что любой разговор, он завершал уместными аналогиями из историй далёкого прошлого.

Начало международного сотрудничества института курировал проректор В.Я. Ткач. Большинство поездок в Германию, осуществлялось с его непосредственного разрешения. При каждой поездке, он знакомился с целями и задачами и всегда утверждал после возвращения мои отчеты. Как член комиссии по приёму кандидатских экзаменов по языку, он всегда на них присутствовал. Вопросов он не задавал, но чётко оценивал всю парадигму экзамена, начиная от выбора помещения заканчивая отбором спецлитературы.

Я часто был привязан к проректору Маденко Владлену Николаевичу. Вначале, будучи ещё секретарем парткома, он постоянно курировал мою политико-воспитательную работу в лагере. Перед каждым моим назначением, требовал в плане идейное содержание. Как проректор он был строг, немногословен и быстро принимал решения.

Проректора Мухопода Николая Денисовича в институте называли "моралистом". Любой обсуждаемый вопрос, он сопровождал обязательной моралью, с наставлениями как нужно делать. До сих пор не выходит из головы, однажды, сказанная, то ли в шутку, то ли в серьёз, его рекомендация.

Если внимательно проследить за содержанием учебного процесса в течение ста лет, то можно увидеть, как оно изменялось под влиянием включения в него достижений социума в определённые периоды времени. Условно эти периоды можно обозначить как технизация, модернизация, педагогизация, информатизация. В какой-то момент получило внимание педагогизация, которая была актуальной вплоть до рассмотрения её на ученом совете. Смысл её заключался в обеспечении учебного процесса методическим сопровождением. Методика как наука в качестве своего материализованного продукта выпускала: методические очерки, записки, рекомендации, указания. В нашем ВУЗе все это сопровождение сводилось к разработке и выпуске методических указаний. На совете первый проректор Маценко В.Н., дав краткий анализ состояния дел, назвал передовиков и отстающих. В число первых попали гуманитарные кафедры, особенно языковые. Они превысили даже норму выпуска. По этому поводу Маценко выразил недовольство, указав на большой расход бумаги. Николай Денисович, как проректор по учебной работе, получив замечание в свой адрес, пригласил меня на следующий день для беседы. После нескольких наставлений, он вдруг, то ли в шутку, то ли всерьёз, с целью экономии бумаги предложил следующее, поскольку все языки имеют один и тот же латинский шрифт, было бы достаточно выпустить одну методичку на все кафедры. Посчитав это за шутку, я также в шутовском тоне согласился с его рекомендацией.

Михаил Павлович Зборщик, проректор по науке, прекрасно разбиравшийся в вузовской парадигме науки, не требовал особо научных изысканий от гуманитарных кафедр, но, если кто-то серьёзно брался за неё, он сразу обращал внимание и создавал условия для ведения исследований и защите диссертаций.

Во время широкого строительства учебной базы института была введена должность проректора, который занял доц. Мороз В.Д. Он усиленно занимался строительством и особенно уделял внимание организации привлечения в этот процесс студентов. С ним я сталкивался редко, но это был деловой и требовательный руководитель.

Большая дружба связывала меня с проректором Бобриком Н.П., с которым мы в молодости проживали в общежитии в одной комнате. По сути, он был человеколюбом. Ещё со студенческих лет, он был предан институту. Находясь в гуще институтских событий, он по праву прошел путь от функционера молодёжного движения ДПИ до должности проректора. Перед проректорством он был направлен руководителем Красноармейского филиала ДПИ. неподалёку от него проживал руководитель его кандидатской диссертации зав кафедрой экономики ДПИ доц. Кацен. Научным консультантом его докторской диссертации в это время был учёный из Германии (МВТШ) проф. Муш, часто приезжавший в ДПИ. Николай Петрович просил меня быть переводчиком при их общении. В один из таких приездов, посидев в летней беседке, Николай Петрович предложил посетить Кацена. Муш, выразил удивление, но согласился. Через пару минут мы уже стояли перед домом Кацена. Муш долго осматривал все вокруг, обратился к нам с вопросом, "так где же здесь кошки?" Мы расхохотались. Не объяснив ситуацию, Кацен по-немецки был воспринят Мушем в точном переводе как кошки.

С проректором Костенко Владимиром Ивановичем я сталкивался довольно часто. Его по праву можно было назвать «общественный» проректор. Он, по сути, курировал всю культурно-массовую работу в институте. Под его пристальным вниманием находились студенческий клуб, общество украинского языка, музей, работа вузовской прессы. Талантливые редакторы "Донецкого политехника" Коваленко Елена и Зимоглядова Ольга всегда были у него в кабинете перед выпуском номера газеты. Следует отметить высокое качество вузовской прессы, содержание которой охватывало все многообразие жизни института. "Донецкий Политехник" можно было встретить в других ВУЗах. Меня всегда приятно удивляло то, что, где бы мы не встречались с Владимиром Ивановичем, то ли в коридоре, то ли после заседаний или собраний, он обязательно приглашал меня к себе в кабинет и находил тему для разговора.

Несмотря на довольно долгий срок проректорства Троянского Александра Анатольевича, мне крайне мало приходилось иметь с ним дело. Впервые я увидел его где-то в 70-х годах, когда он молодым человеком приходил заниматься в спортивный зал. Среди тренирующихся, он держался особняком, проявляя заметно черты интроверта. На своём посту Троянский А.А. унаследовал стиль работы Маценко В.Н.

В противоположность Троянскому А.А., проректору Навке Илье Павловичу присуща экстравертность. Его общение выходило далеко за пределы вузовского коллектива. Будучи, по сути, политиком, он встречался с людьми самого высокого ранга от министра до влиятельных бизнесменов. В должности проректора по международным связям, он принимал представителей из разных стран, организуя встречи гостей с руководством института, преподавателями и студентами. Запомнилась встреча со студентами швейцарского консула. Консул задерживался в ректорате, зал был полон студентов. Затянувшаяся пауза начала расхолаживать переполненный зал. Терялся интерес к самой встрече. Чтобы не дать ему угаснуть, мне пришлось организовать зал, предложив студентам ряд вопросов консулу на любом языке. Все знали, что Швейцария имеет четыре государственных языка. Студенты поинтересовались, на каком языке он общается дома в семье. Будучи сам немцем, а жена француженка, он ответил, что в доме они разговаривают на любом языке, даже выработали свой семейный язык. Встреча прошла интересно. Немало, в качестве переводчика, приходилось мне сопровождать Илью Павловича. Именно сопровождать, а не переводить тексты его выступлений. С темпераментом холерика и характером экстраверта, он водил немецких гостей по институту, переходя из одного объекта к другому, даже не замечая моего присутствия. Он настолько быстро говорил, что я успевал только передавать смысл его речи. Ему в заслугу следует поставить создание Фонда поддержки прогрессивных реформ, проведения в нем конкурсов, издание прекрасной книги "Юз и Юзовка", поиск грантов. При распаде СССР, он широким фронтом предпринял коммерциализацию учебного процесса.

Выполняя организационные и управленческие функции, проректор по заочному обучению Каплюхин Александр Акимович, больше, чем его предшественники Малов, Авдеев, Булавкин уделял внимание педагогике заочного обучения. Так при появлении в образовании дистанционного обучения он аргументированно настаивал на разнице категорий заочного и дистанционного обучения, доказывая, что последнее является глобальной технологией в системе заочного образования. С ним мы опубликовали несколько статей, содержащих анализ педагогических нововведений, таких как: технология, модуль, кредит, проникших в учебный процесс. Мы даже планировали проведение конференции с широким рассмотрением сути и места этих явлений в учебных планах и программах разных дисциплин.

Достойны упоминания события последних предъюбилейных лет, к которым я ещё успел быть причастным. Одним из этих событий была

Проф. Михайлов А.Н.

международная инженерная техническая конференция, организованная и проводимая под бессменным руководством зав. кафедрой "Технология машиностроения" д.т.н. проф. Михайловым Александром Николаевичем в г. Севастополе.

Уникальность заключалась в том, что она проводилась ежегодно в течение более четверти века. Её участниками являются учёные из вузов многих стран Европы и Азии. Читая сборник опубликованных работ этой конференции, можно проследить, во-первых, за состоянием науки в вузах этих стран, а во-вторых, за развитием и совершенствованием науки в целом. В структуре конференции мне удалось организовать гуманитарную секцию, на которой в течение около десяти лет

рассматривались вопросы педагогики, методики, психологии и организации учебного процесса. На одном из заседаний выступил с интересным докладом председатель советов ректоров вузов Прибалтийских Республик с сообщением об организации системы образования в этих странах. Будучи председателем международного союза машиностроителей, Михайлов А.Н. проводил заседание представителей союза, получая от него помощь в организации конференций и выпуска сборников научных трудов. Вторым событием значимым для ВУЗа было создание профессорского собрания в 1999 году. Для его работы был избран президиум, члены которого курировали разные направления его деятельности. Как член президиума по

Вверху: Крайний справа председатель совета ректоров вузов прибалтийский республик

Внизу: Проф. Шевченко Ф.Л., проф. Левченко Г.Г. – руководители секций конференции

направлению гуманитаризации вузовской жизни, я успел только включиться в работу института культуры, но не успел предложить проект о создании дома учёных с целью предоставить учёным особые условия для работы и отдыха в течение всего свободного от учебного процесса времени. Огромную работу по организации деятельности профессорского собрания взял на себя зав. кафедрой "Вычислительная математика и программирование" д.т.н. проф. Павлыш Владимир Николаевич.

Завершающим событием моего многолетнего пребывания в ДПИ, я считаю беседу с приступившим на второй день после ухода Минаева А.А. к исполнению обязанностей ректора Аноприенко Александра Яковлевича, который в этой должности поставил свою первую подпись на моём заявлении об уходе на пенсию. С Александром Яковлевичем я познакомился близко с момента избрания его на должность декана факультета компьютерных наук и технологий. Но мысль о возможном занятии им места руководителя университета появилась у меня ещё тогда, когда в 2000 году он вместе с Минаевым А.А. опубликовали материалы «Конгресса-2000», в котором они принимали участие. После внимательного изучения статей "Украина на пути в информационное общество" и "Сценарий будущего мегауниверситета" стала очевидной тенденция неотвратимого движения образования в эпоху информатизации и компьютеризации. Это определило назначение его постоянным советником ректора по этому направлению. Моё особое уважение к Александру Яковлевичу возникло, когда он, единственный из деканов, к 2010 году сохранил в учебных планах курс риторики, введенный впервые ещё в 2003 году. Риторика, как наука и предмет о красноречии, ораторском искусстве и мастерстве публичного выступления, ещё со времён Древней Греции, в университетских программах занимала второе место после грамматики. Риторику полюбили все студенты и, особенно, аспиранты, потому что на её занятиях каждый имел возможность выступить публично, влияя на аудиторию своими способностями. Даже Минаев А.А., после доклада на общеинститутском собрании, спрашивал у меня – как он выступил. На этот вопрос я отвечал: «...пока вы выступали, читая текст, зал дремал, но при переходе в стиле оратора к комментариям, зал оживлялся».

д.т.н. проф. Павлыш В.Н.

Ещё запомнился один случай, когда я увидел, выступающего А.Я. Аноприенко со сцены. Кафедра философии, известная среди подобных

кафедр в стране, проводила серьёзные конференции. Одна из них была посвящена творчеству Вернадского В.И., взгляды которого в области истории науки противостояли позиции широко известного американского учёного Томаса Куна. Кун стоял на позициях развития науки с весьма ограниченными связями с внешним миром. Вернадский В.И., наоборот, связывал развитие науки с развитием общества, в результате чего он создал учение о ноосфере. Последним выступал опоздавший Александр Яковлевич. В своём выступлении он сместил акценты на важность наук, ослабляя внимание к философии. Он даже привёл мудрое изречение Аристотеля о том, что «Все науки необходимы более чем философия», на что заведующая кафедрой Алексеева Л.А. отреагировала концовкой этого изречения «...но лучше её нет ни одной». Сидевший рядом со мной зав. кафедрой политологии Rogozin Н.П., обратившись ко мне, сказал: "Ну вот у нас новый философ". Александру Яковлевичу я очень благодарен за то, что он убедил меня написать мемуары. И я их написал.

Лейтмотивом написания мемуаров послужило для меня гениальное изречение известного писателя, философа и драматурга, лауреата Нобелевской премии Бернарда Шоу: "Экономичная мудрость бытия, все новое в нем шьется из старья", идеей которого пронизана все изложение воспоминаний. "Старье", в которое входит и бытие ДПИ в прошлом, является закономерной основой бытия в настоящем и будущем. Оно является для поколений юбилейных лет, и жизнеутверждающим и полным смысла. Много из этого может быть, и я уверен должно, возродиться в будущем. Очень хочется надеяться на то, что дальнейшая история ВУЗа будет такой же насыщенной достижениями, описанием которых займется поколение, вступившее в XXI век.

Г.Г. Левченко, 2021

PS от Аноприенко А.Я.: Я благодарен Геннадию Григорьевичу за то, что он откликнулся на моё настойчивое предложение о написании к 100-летию ДонНТУ хотя бы кратких мемуаров. Их предполагалось включить в сборник преподавательских воспоминаний к юбилею вуза. Но на полноценный сборник их тогда не набралось и официальное издание было отложено до лучших времён. Получение в воскресенье 28 сентября 2025 года сообщения о том, что накануне Геннадий Григорьевич ушёл из жизни (от его сына Андрея), инициировало публикацию воспоминаний в электронном виде в авторской редакции (например, эпизод с моим выступлением на кафедре философии я не помню и вряд ли я публично мог принизить значение философии, которую я люблю со студенческих времён, но раз так запомнилось автору, то пусть так и будет...). Светлая память прекрасному человеку и преподавателю Геннадию Григорьевичу Левченко!